

АДЫГЕЙСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Т.М. КЕРАШЕВА

**ВОПРОСЫ
АРХЕОЛОГИИ
АДЫГЕИ
2024**

Майкоп
2024

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43
В-74

Печатается по решению Ученого совета Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Редакционная коллегия:

д.ф.н. Тлеуж А.Х., д.ф.н. Биданок М.М., д.и.н. Ачмиз К.Г., к.и.н. Джигунова Ф.К., Ципинов Р.К.,
к.и.н. Схатум Р.Б., к.и.н. Ловпаче Н.Г., Сазонов А.А., д.и.н. Эрлих В.Р., д.и.н. Хотко С.Х.

Ответственные редакторы:

к.и.н. Голубев Л.Э. (научный редактор), к.п.н. Луганская Г.Б. (редактор).

Рецензенты: д.и.н. Нарожный Е.И., к.и.н. Вальчак С.Б.

В-74 ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ АДЫГЕИ (2024) : Сборник научных трудов. – Майкоп :
Изд-во Магарин О.Г., 2024. – 228 с., ил.

ISBN 978-5-00238-154-8

Сборник научных трудов посвящен проблемам археологии Северо-Западного Кавказа и сопредельных территорий от эпохи бронзового века до эпохи позднего средневековья. Издание адресовано археологам, историкам, музейным работникам, преподавателям и студентам вузов, а также всем, кто интересуется археологией и историей Северного Кавказа.

УДК 902(470.621)
ББК 63.4(2Рос37)я43

ISBN 978-5-00238-154-8

9 785002 381548 >

© Группа авторов, 2024
© АРИГИ им. Т.Керашева, 2024

С О Д Е Р Ж А Н И Е :

Тлеуж А.Х. Предисловие	4
Кореневский С.Н. Е.И. Крупнов и культурология начала медно-бронзового века Предкавказья по его монографии 1957 года (статья в честь 120-летнего юбилея Е.И. Крупнова)	5
Глазов К.А., Кудин М.И., Марков Д.Н. Каталогизация дольменного макроансамбля «Виноградное» в бассейне р. Цусквадж	23
Кудин М.И. Отражение культа собаки в памятниках дольменной культуры Западного Кавказа	46
Белоусов А.В., Федосов М.Ю. Материалы Геленджикской стоянки из фондов Геленджикского историко-краеведческого музея. Хронология каменско-ливенцовской группы памятников	53
Белоусов А.В., Федосов М.Ю. К вопросу о появлении в Северном Причерноморье погребений в каменных ящиках в раннем железном веке	85
Дударев С.Л. Новые находки бронзовых предметов предскифского и скифского времени из Центрального Предкавказья	109
Эрлих В.Р., Леонтьева А.С. Святилища хребта Азиштау	116
Пьянков А.В., Завьялов С.Л., Полицын Е.Б. Византийский солид императора Анастасия II (713–715 гг.), найденный на Тамани в 2015 г.	134
Кононов В.Ю., Пономарев Л.Ю. Хозяйственная полуземлянка на раннесредневековом поселении Варнавенское-3 (по итогам раскопок 2010–2011 гг. на левобережье Кубани)	137
Кононов В.Ю., Пономарев Л.Ю. Безурновые кремационные погребения биритуального могильника IX – первой половины X вв. поселения Варнавинское-2 в Закубанье (по итогам раскопок 2010–2011 гг.)	157
Голубев Л.Э. Ингумационные погребения биритуального могильника «Афипс-5»	181
Леонтьева А.С. Воинские погребения из курганов «Азишский-92» и «Азишский-124»	190
Бузаров Аз.К., Днепровский К.А., Хотко С.Х., Эрлих В.Р. Тамгообразные подвески из кургана Дегуако-46 белореченского времени	205
Новичихин А.М. Пряжка-пафта османского времени из Анапы	213
Абрамова А.Н. Население Северо-Восточного Причерноморья нового времени по данным палеоантропологии	216
Сведения об авторах	225

МАТЕРИАЛЫ ГЕЛЕНДЖИКСКОЙ СТОЯНКИ ИЗ ФОНДОВ ГЕЛЕНДЖИКСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ. ХРОНОЛОГИЯ КАМЕНСКО-ЛИВЕНЦОВСКОЙ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ

Белоусов А.В., Федосов М.Ю.

Аннотация. Авторы вводят в научный оборот ранее неизвестные материалы Геленджикской стоянки, собранные в 40–50-х гг. XX в. сотрудниками Геленджикского музея. Проводится попытка переосмыслить хронологию и атрибуцию памятника на основе современных представлений о регионе, а также некоторых памятников Северного Причерноморья, имеющих аналогии.

Авторы приходят к выводу о значительном влиянии Южного Кавказа на Северо-Восточное Причерноморье и Северный Кавказ в целом во второй половине II–начале I тыс. до н.э., уточняют хронологию каменско-ливенцовских памятников в рамках поздней бронзы и приходят к выводу о том, что Геленджикская стоянка бытовала в рамках VIII–VII вв. до н.э.

Ключевые слова: Кавказ, Северное Причерноморье, керамика, пифос, валик, стоянка, крепость, распространение

THE MATERIALS FROM GELENDZHİK SETTLEMENT, FROM FUNDS OF THE GELENDJIK HISTORICAL AND LOCAL LORE MUSEUM. THE CHRONOLOGY GROUPS KAMENSK-LIVENTSOVSKY SETTLEMENTS

Belousov A.V., Fedosov M. Yu.

Abstract. In the article, the authors introduce previously unknown materials from the Gelendzhik settlement, collected in the 40s – 50s by scientific employees of the Gelendzhik Museum. The attempt is being made to rethink the chronology and attribution of the monument on the basis of modern ideas about the region, as well as some monuments of the Northern Black Sea region that have analogies. The authors come to the conclusion about the significant influence of the South Caucasus on the North-Eastern Black Sea region and the North Caucasus as a whole in the second half of the 2nd - early 1st millennium BC, clarify the chronology of the Kamensk-Liventsovsky settlements within the framework of the Late Bronze Age and come to the conclusion that the Gelendzhik settlement existed within the 8th – 7th centuries BC.

Keywords: Caucasus, Northern Black Sea region, pottery, pithos, rollers, settlement, fortress, distribution

Изначально замысел статьи был лишь в том, чтобы ввести в научный оборот материалы поселенческого памятника, расположенного на территории г. Геленджик. Но попутно перед авторами встал ряд вопросов, касающихся хронологии и культурной атрибуции группы памятников Северного Причерноморья со сходной керамической традицией, без рассмотрения которых общая картина была бы неполной и не позволила бы нам составить систему взаимоотношений между ними.

Стоянка расположена на северном берегу Геленджикской бухты (рис. 3) и известна лишь по

частичной публикации материалов И.И. Ахановым (Аханов, 1961б). Целью данной статьи является ввод в научный оборот материалов, хранящихся в фондах Геленджикского историко-краеведческого музея², но по неизвестным нам причинам, не попавшим в указанную публикацию, а также попытка переосмыслить всю коллекцию с учетом современных представлений о культурно-исторической ситуации в изучаемом регионе в эпоху бронзы.

Первое исследование места расположения стоянки предпринял В.И. Сизов весной 1886 г. Он оставил следующее описание Геленджикской бухты. «Северный, противоположный берег

² Авторы выражают благодарность сотрудникам ГИКМ и лично главному хранителю фондов И.А. Королевой за

всестороннюю помощь в работе с материалами фондов музея.

представляет весьма небольшое возвышение, покатое к морю. На этом возвышении много курганов, образующих сплошной могильник, уходящий от моря в густой лес к северу и северо-востоку». Им было раскопано шесть курганов, четыре из которых имели погребальные урны с обрядом трупосожжения, скорее всего относящиеся к эпохе средневековья. Два кургана имели каменные ящики из вертикально стоящих плит, сооруженные на дневной поверхности и имевшие каменный кромлех. Одно погребение было одиночное, второе парное, костяки были вытянуты на спине и имели северную ориентировку (Сизов, 1889, с. 65-67). Такие погребения в каменных ящиках с северной и северо-восточной ориентировкой известны в приморской зоне в период от VIII–VII вв. до н.э. до первых веков нашей эры (Аханов, 1961а; Малышев, 2011, с. 230; Новичихин, 2010, с. 194-195). Больше раскопок курганов на этом участке бухты не проводилось, и со временем могильник был полностью уничтожен застройкой и разграблениями.

Сама стоянка была открыта в 1928 г. профессором МГУ Б.С. Жуковым, проводившим в 1928–1929 гг. разведывательные работы с целью выявления дольменов в районе Новороссийска и Геленджика (Формозов, 2008, с. 78). На участке северного берега бухты, на территории рыбзавода, вместе со студентами-практикантами Б.С. Жуковым были проведены раскопки выявленного памятника, который был им датирован поздним неолитом (Аханов, 1954, л. 1). Находки были сданы в Геленджикский музей и частично представлены в экспозиции (Щеглов, 1958, л. 1). К сожалению, не сохранилось конкретики по поводу того, что именно было найдено и что было выставлено в экспозиции. Работа в фондах ГИКМ не прояснила этот вопрос, по словам сотрудников музея, часть довоенных коллекций и описей была утеряна.

В следующем году в Геленджик приезжает «инженер технической помощи сельского хозяйства на Кубани», а в будущем сотрудник музея, Д.Е. Щеглов. Обследуя окрестности Геленджика, он осмотрел и место раскопок Б.С. Жукова. Д.Е. Щеглов акцентирует внимание на том, что сохранившиеся отвалы были насыщены фрагментами раковин, что в целом несвойственно для всей бухты. Восточнее раскопа им были обнаружены пятна двух хозяйственных ям на обрушаемом участке берега, темные пятна которых хорошо читались на фоне светлых суглинков. В их заполнении были обнаружены угли, кости и

фрагменты керамики. Об обнаружении ям им было сообщено хранителю фондов музея В.И. Красину, который после совместного посещения местонахождения пообещал провести раскопки (Щеглов, 1958, л. 1). Об исследовании этих двух ям мы имеем только сообщение, что это произошло в середине 30-х гг., но без каких-либо подробностей (Аханов, 1954, л. 1).

В конце 1949 г. обрушение береговой линии обнажило новые объекты, хозяйственные ямы и скопление раковин. В этом году было исследовано 3 ямы, все они были глубиной около 0,8 м и имели глиняную обмазку по всем стенкам толщиной до 5 см. Обмазка была отмечена И.И. Ахановым отдельно, как глина, отличающаяся темно-бурым цветом. В следующем, 1950 г., им было раскопано еще три ямы, аналогичные по структуре (Аханов, 1954, л. 2), четвертая исследована Д.Е. Щегловым, и еще одна в 1954 г. (Щеглов, 1958, л. 1-2). Над ямами делались небольшие прирезки, на некоторых участках сохранился культурный слой мощностью до 1 м, содержащий фрагменты керамики и костей животных (рис. 4) (Аханов, 1954, л. 3).

Считаем уместным отметить, что глина темно-бурого цвета, описанная как обмазка вышеупомянутых ям, в целом несвойственна для окрестного побережья. Помимо совсем небольших, разбросанных по Маркотхскому хребту, ее выходов, рядом имеется только одно относительно крупное месторождение такой глины, на юго-восточном склоне водораздела рек Мезыбь и Хотейцай, к северу от пос. Джанхот. Сейчас там расположена действующая гончарная мастерская, хозяин которой С.А. Дудин любезно проконсультировал авторов о местных глинах, ее свойствах и распространении. Мы не сомневаемся, что люди того времени знали о месторождении и проводили добычу глины. Обмазка хозяйственных ям могла служить для гидроизоляции, что особенно актуально в зимний период с его обильными осадками.

Возвращаясь к описанию коллекции, начнем с характеристики керамики с валиковой орнаментацией как наиболее массовой на стоянке. Все фрагменты выполнены из плохо отмученной глины с примесями дресвы, слюды и ракушки. Внешняя поверхность светло-коричневая, хорошо обработана; внутренняя - черная, с неглубокими расчесами. Тесто пористое. Орнамент представлен горизонтальными налепными валиками с косыми расчлененными вдавлениями (рис. 5, №535 – 8, 12, №1012 – 1-3, 11, рис. 6, 4)

или семечковидными вдавлениями, образующими «елочку» (рис. 5, №1012 – 4). Парные валики наносились на плечики округлобоких сосудов, точные размеры которых реконструировать не удалось, однако, судя по толщине стенок до 1,4 см и крутизне изгиба, они были довольно крупными. Особо стоит обратить внимание на фрагмент орнаментированной стенки с сочетанием двух горизонтальных валиков и отходящих от них трех вертикальных, направленных к середине тулова сосуда, и на фрагмент стенки с валиком в виде зигзага (рис. 5, №535 – 13, №1012 – 1). К ним же стоит отнести фрагмент стенки с резной орнаментацией, имитирующий валиковую (рис. 5, №301 – 8).

Подобная керамика известна на памятниках Северной Колхиды. Тарные толстостенные сосуды (пифосы), предназначенные для хранения воды, молока, а также зерна, встречены на поселениях в большом количестве. В настоящее время известно порядка двадцати поселений колхидской культуры. Наиболее исследованными считаются Тамышское поселение, где выделено два горизонта, нижний XI–IX вв. до н.э. и верхний VIII–VII вв. до н.э., пифосы с валиковым орнаментом были характерны для обоих периодов (рис. 8, 11–12), и Бамборское поселение (окраина г. Гудаута), датируемое VIII–VII вв. до н.э. Керамическая коллекция поселений сильно фрагментирована, а в погребальной практике такие сосуды во второй половине II тыс. до н.э. не использовались, но, тем не менее, А.Н. Габелия описывает пифосы Бамборского поселения как большие сосуды яйцевидной формы с высокой дуговидной шейкой, заканчивающейся отогнутым венчиком, и широкогорлые толстостенные (1,8–2 см) сосуды больших размеров (рис. 8, 7–9, 17–18). Остальные различия касались только орнаментального мотива и особенности обработки поверхности (Габелия, 2014, с. 38, 58–59, 69, 81, 97–98).

Также А.Н. Габелия была составлена схема классификация орнаментов керамики Тамышского поселения. Наиболее распространенным орнаментом является валиковый, представленный валиками, опоясывающими шейки и тулова пифосов, а также сочетанием горизонтальных и вертикальных валиков (рис. 7).

На Южном Кавказе пифосы с валиковым орнаментом были широко распространены в Лчашено-Мецаморской культуре (или Лчашен-Цителигореби в грузинской литературе, часто употребляется просто Лчашен), хронологические рамки которой охватывают XV – середину VII вв. до н.э. и делятся на шесть этапов (Badalyan et al., 2008, p. 47; Avetisyan et al., 2019, p. 89). Тут нужно оговориться, что валиковая орнаментация была распространена не только в Лчашено-Мецаморской культуре, но поскольку ее памятники наиболее изучены, то мы будем апеллировать именно к ней.

В период МВА III³ (рубеж XVIII/XVII – кон. XVI в. до н.э.), который характеризуется как «переходный» период от культуры Триалети-Ванадзор к Лчашену, происходит постепенная смена расписной керамики на совершенно новую традицию орнаментации: пластичной (валиковой), штампованной и резной (прочерченной) техники. Материалы переходного периода известны по погребениям из могильников Апаран I, II, Дзори Берд, Цахкалани и др. (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 47, pl. IV; p. 50, pl. II, p. 85, pl. III; p. 277–278, pl. III–IV). Новая техника орнаментации станет господствующей на Кавказе вплоть до античной эпохи, а такой элемент, как валик, продолжит использоваться и в более позднее время (рис. 10, 10–13, 15–17). Хронологическая позиция памятников Лчашена достаточно хорошо обоснована и опирается на ближневосточные, в особенности иранские импорты, а также на радиоуглеродное датирование поселений и погребений.

Прекрасные примеры орнаментированных сосудов мы видим в материалах поселения Гехарот на северо-западе Армении (рис. 9, 10–18). Важность их заключается не только в том, что найденные там пифосы представлены целыми формами, что является нечастым для поселений, но и то, что для слоев Гехарота Па-b имеется серия из шестнадцати AMS радиоуглеродных дат, дающих нам диапазон их бытования в рамках XV–XIII вв. до н.э. (Badalyan et al., 2008, p. 69). Образцы керамики с валиковой орнаментацией периодов LBA и EIA представлены среди находок ярких могильников Грузии и Армении, таких как Артик, Талин, Цахкалани, Сафар-Хараб, Ге-

³ Здесь и далее мы используем принятую на Южном Кавказе периодизацию:

MBA – Middle Bronze Age, 2400–1500 гг. до н. э.;

LBA – Late Bronze Age, 1500–1200 гг. до н. э.;

EIA – Early Iron Age, 1200–900 гг. до н. э.;

MIA – Middle Iron Age, 900–700 гг. до н. э. (Avetisyan, Bobokhyan, 2012, p. 8, fig. 2).

харот, Агарак, Апаран I, Газанотс, Хнаберд, Кучак I, Мастара, Ширахаван, Имера и др. (рис. 1, рис. 9 – 1-9, 19-29, рис. 10, 1-8).

Каждый пифос имеет уникальную орнаментальную композицию, но все они имеют общие признаки:

- округлобокость сосудов;
- орнамент наносится в верхней половине сосуда;
- орнамент имеет геометрические мотивы, состоящие из горизонтальных прямых или извилистых линий, треугольников (зигзаг) или реже волны, а также вертикальными линиями, создающими сектора;
- орнамент может наноситься в виде наlepных валиков, быть резным или создаваться штампом;
- способ орнаментации может быть, как унитарным, так и сочетать на одном сосуде разные техники.

Схожие мотивы имели и другие типы керамики, как горшки или миски, но наносились они только резной или штампованной техникой (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 33, pl. VII; p. 35, pl. I; p. 47, pl. V; p. 71, pl. III; p. 96-97, pl. V-VI; p. 110-111, pl. VII-VIII; p. 119, pl. III; p. 167, pl. VIII; p. 169, pl. IX; p. 189-190, pl. II-III; p. 214-215, pl. II-III; p. 225, pl. I; p. 240, pl. IX; p. 251, pl. VII; p. 283, pl. VII; Badalyan et al., 2008, fig. 22, *a-i*; Narimanishvili, 2010, pl. XV, 1-5, 8, 11-13; XVI, 1-16).

Конечно, кроме яйцевидных, есть пифосы овальной и реповидной формы, равно как и более сложный декор в виде расчесов по корпусу сосуда, обильного нанесения горизонтальных желобков, каннелюр и наличия ручек на середине тулова, что характерно для периода EIA (рис. 10, 3, 8, 13, 15-16) (Avetisyan, 2009, p. 61-62, fig. 1, 5; 2, 14; 4, 6, 9), либо нанесения горизонтальных валиков на нижней части тулова (Narimanishvili, 2010, p. 353-354, pl. XII, 6, 13; XIII, 1-16; Тушишвили, Амиранашвили, 1980, с. 125, табл. LVI, 4). Приведенные выше признаки можно считать базовыми для керамики Лчашено-Мецаморской культуры.

Аналогичные пифосы известны и на Северном Кавказе. Краткий обзор начнем с Северо-Восточного Кавказа, где подобные сосуды в значительном количестве встречены на памятниках каякентско-харачоевской культуры, таких как могильники Харачой, Каякент, Тарки, Берикей, Маджалис и др., составляющие второй этап культуры и считающиеся периодом ее наивысшего расцвета. Орнаментация состоит из горизонтальных валиков, от одного до трех, расположенных

на плечиках округлобоких сосудов. Сами валики украшались вдавлениями или косыми насечками. Помимо этого, имели место и «свисающие» валики, расположенные либо строго вертикально, либо под углом и, как правило, обрывающиеся, не достигая середины тулова сосуда. Помимо пластичного орнамента, имелся резной, в виде треугольников или «елочки», расположенной в один или несколько рядов в горизонтальном или вертикальном положении (рис. 11, 1-13) (Круглов, 1958, с. 60; Марковин, 1969, с. 48, рис. 3, 1, 3; рис. 18-20).

Следует отметить, что для Северо-Восточного Кавказа одной из острейших проблем является хронология памятников. В 1978 г. В.Г. Котовичем была предложена схема бронзового века Северо-Восточного Кавказа, которая с некоторыми правками 1980 г., внесенными совместно с О.М. Давудовым, и правками 1982 г., внесенными уже самим В.Г. Котовичем, используется по настоящее время. Однако, как указывает Р.Г. Магомедов, из-за дефицита хорошо датированных памятников, особенно для периода, предшествующего каякентско-харачоевской культуре, общее состояние с периодизацией и хронологией нельзя назвать удовлетворительным. Для периода поздней бронзы, которая для нас представляет интерес, ситуация намного лучше. Так, В.Г. Котович датировал второй этап культуры 1500-1250 гг. до н.э. К.Х. Кушнарева в целом соглашалась с этой хронологической позицией, но все же замечала, что некоторые изделия из бронзы, найденные в могильниках второго этапа, известны на Кавказе и в более позднее время, что вполне может служить поводом для омоложения верхней даты (Кушнарева, Марковин, 1994, с. 352; Магомедов, 1998, с. 187). В любом случае мы видим, что распространение пифосов в этом регионе является синхронным с ранними этапами Лчашено-Мецаморской культуры.

Несколько иная картина складывается на памятниках кобанской культуры, для которой использование пифосов в погребальном обряде не было распространено, как и на территории Северного Кавказа. Извилистый валик был распространен на горшках, типичных для восточного варианта кобанской культуры, где валик на центральной или верхней части сосуда присутствовал на памятниках 1-й половины I тыс. до н.э. как, к примеру, на поселениях Бамут, Сержень-Юрт, Курчалой и пр. (Козенкова, 1982, с. 74). Поселенческий материал Ставрополя и Кабардино-Балкарии имеет разную степень

изученности, но показывает, что в керамической коллекции кобанской культуры присутствуют сосуды с резной техникой орнаментации или с налепным волнистым валиком, причем преобладает резная имитация горизонтальных и вертикальных, прямых или извилистых валиков. Можно выделить такие памятники, как поселения Хабзское, Этокское, Клинярское, Былым, Сармаково, Лесгорское, Бештаугорское, Горно-Джукское, пос. у г. Железноводска и пр. (рис. 13, 1-6) (Козенкова, 1989б, табл. IV, 1, 32; V, 7, 19; VII, 27; VIII, 21; IX, 18; XI, 8, 26; XIII, 16). Многие из них известны по сборам подъемного материала, на Сармаковском поселении проводились шурфовочные работы. Поселения датированы от конца II тыс. до н.э. до IV в. до н.э. (Козенкова, 1989б, с. 25, 28-30, 40-41, 43, 46). На Геленджикской стоянке подобный резной орнамент есть на фрагменте стенки сосуда с четырьмя горизонтальными полосами, заполненными косой штриховкой (рис. 5, №301 – 8).

Систематические раскопки поселения Сауар на территории Северной Осетии показали значительное присутствие сосудов с валиковой орнаментацией и прочерченной извилистой линией. А.П. Мошинским при датировании и атрибуции памятника были проведены аналогии с керамикой Колхиды, в т.ч. и с уже упомянутым Бамборским поселением, что он назвал достаточно интересным фактом, как свидетельство проникновения в среду кобанской культуры из Закавказья керамики, характерной для конца II тыс. до н.э. – 1-й половины I тыс. до н.э. Само же поселение было датировано V–IV вв. до н.э. (Мошинский, 2019, с. 161-163). Интересен факт нахождения зооморфной орнаментации, так в пяти случаях в слоях начала – середины V в. до н.э. изогнутые валики завершаются змеиными головками (Мошинский, 2019, с. 161). Для лчашенской керамики зооморфный стиль не является характерным, однако известны исключения. Так, орнамент в виде налепных змееподобных фигур, впервые встречается на закавказской посуде в V–IV тыс. до н.э., но более известен подобный орнамент на памятниках XV/XIV вв. до н.э. – начала I тыс. до н.э., преимущественно в южных районах Закавказья, к примеру, в святилищах Двина и Мецмора (Погребова, 2011, с. 57; Енгибарян, 2019, с. 282).

Еще один сосуд с тремя валиками на верхней части тулова известен из материалов раскопок элитарного погребения Аманкол в Кабардино-Балкарии, которое датируется концом XII в. до

н.э., причем В.И. Козенковой было подчеркнуто, что материалы погребения являются характерными для Баксанского ущелья (рис. 13, 7) (Козенкова, 1989б, с. 25, 147, табл. XXXVII, Г-7).

Значительный материал с валиковой орнаментацией был обнаружен в гроте Гамовская Балка в верховьях р. Уруп. Раструбные венчики сосудов имеют прямые аналогии с керамикой Северной Колхиды. Помимо этого, на многих сосудах имеется прочерченный или штампованный орнамент в виде зигзага (рис. 14, 1-12). Э.С. Шарафутдинова сопоставила материал, прежде всего, венчики пифосов с валиковым орнаментом, с керамикой Ливенцовско-Каратаевской крепости, и пришла к выводу о его идентичности, на основании чего впоследствии памятник датировали финалом средне-бронзового века. Открытие памятника Э.С. Шарафутдиновой считалось важным для понимания процессов миграции на Северо-Западном Кавказе. По ее мнению, предположение С.Н. Братченко о кавказском происхождении населения крепости получало подтверждение (Братченко, 1976, с. 127; Каминская, Шарафутдинова, 1999, с. 86-87).

Мы знаем, что период бытования сосудов с валиковым орнаментом на Кавказе весьма продолжительный, но, тем не менее, мы считаем, что с хронологической позицией Гамовской Балки можно определиться более точно. Э.С. Шарафутдиновой был выделен седьмой тип керамики, он представляет из себя «бочонковидные банки со стянутым устьем, под которым нанесен врезной или зубчатый узор из горизонтальных линий» (рис. 14, 15-17) (Каминская, Шарафутдинова, 1999, с. 88). Такой тип орнаментации хорошо известен на Кавказе как «рифленая» керамика. Она характерна для периодов EIA-MIA, орнамент наносился на венчики мисок или горшков и состоял из нескольких прочерченных горизонтальных линий. Помимо Кавказа, рифленая керамика распространена была также в Восточной и Юго-Восточной Анатолии (Avetisyan, 2009, p. 71, fig. 3; Khatchadourian, 2011, p. 469-470). В раннежелезном веке на Северо-Западном Кавказе мы также увидим этот стиль орнаментации, нанесенный на черпаки (Эрлих, 2005, с. 158-159, рис. 119, 1-7, 12-15). Стоит также заметить, что в погребении 43 могильника Тли, относимом к ранней группе, имеется сосуд с аналогичной формой орнаментации (рис. 21, 3), что в целом не характерно для такого раннего периода. Помимо Ливенцовско-Каратаевской крепости, Э.С. Шарафутдинова провела аналогию с керамикой

Геленджикской стоянки, с материалами которой она ознакомилась в фондах музея (Каминская, Шарафутдинова, 1999, с. 88).

Известен сосуд с валиковой орнаментацией и прочерченным зигзагом между валиками в могильнике Анапская I к. 10, п. 8. Погребение было отнесено В.А. Трифоновым к батуриному варианту предкавказской катакомбной культуры. В том же могильнике (к. 9 п. 2, к. 7 п. 13) имелись и сосуды с валиком без резной композиции (рис. 15, 1-3). В батурином варианте аналогичных сосудов более не известно. Погребения датирующего материала не имеют, впрочем, схожая ситуация и с другими погребениями батуринских памятников, поэтому их хронологическая позиция определяется по аналогии некоторых типов керамики и украшений, и отнесена В.А. Трифоновым к позднему этапу предкавказской культуры (Трифонов, 1991, с. 104, 110-112, рис. 2, 12). Сейчас чаще употребляют термин «батуриная культура» в составе блока позднекатакомбных культур и датируют XXVI/XXV–XXIII вв. до н.э. (Мимоход, 2009, с. 255; Мимоход, 2013, с. 551, илл. 114). Особое внимание стоит уделить наличию ручек в центральной части тулова на сосуде из к. 10 п. 8. Как отмечалось выше, такие ручки появляются на керамике Южного Кавказа только в период EIA и продолжают бытовать после периода MIA (Avetisyan, 2009, p. 69, 72, fig. 1, 10-11; 4, 4; Gamkrelidze, 2021, p. 602, tab. IV, 5-6; p. 610, tab. II, 1-2).

В итоге мы видим, что в горной части Северного Кавказа, на всем его протяжении, начиная от поздней стадии среднего бронзового века и вплоть до раннего железного века, бытовал характерный для Южного Кавказа стиль орнаментации. Хотя и в разных техниках, но распространен он был достаточно широко. Это фактор, имеющий важнейшее значение для понимания взаимосвязей Северного и Южного Кавказа.

Подобная керамика с валиковой орнаментацией хорошо известна на ряде приморских поселений Северного Причерноморья и Приазовья, таких как Ливенцовско-Каратаевская крепость на Нижнем Дону, Каменка, Глейки, Маяк, Чалки, Планерское I и пр. на Керченском полуострове (Братченко, 2006; Кислый, 2003-2004; Кривцова-Гракова, 1955; Рыбалова, 1974; Тощев, 2007). Традиционно их принято датировать, согласно версии С.Н. Братченко, финалом средне-бронзового века, но все же надо сказать о разнообразии точек зрения на хронологию этих памятников.

Так, изначально, применительно к крымским памятникам, И.Т. Кругликова и О.А. Кривцова-Гракова рассматривали эту керамику как пережитки катакомбной культуры на позднесрубных поселениях, а вернее, ее элементов в виде валиков, нанесенных на округлобокие сосуды (Кривцова-Гракова, 1955, с. 108). Позже для поселения Каменка В.Д. Рыбалова выделила два хронологических этапа. Нижний она отнесла к самому концу существования на Дону и Днепре культуры многоваликовой керамики и первому этапу срубной культуры, а второй этап соотнесла с сабастиновским периодом поздней бронзы (Рыбалова, 1974, с. 47-49). С отличной от позиции В.Д. Рыбаловой версией выступил В.А. Колотухин. Опираясь на факт отсутствия многоваликовой, а вернее, аналогичной многоваликовой посуды на сабастиновских памятниках, он предложил синхронизировать нижний этап с культурой многоваликовой керамики (она же культурный круг бабино), а верхний – с раннесрубным этапом, когда еще поздние памятники многоваликовой керамики продолжали свое существование (Колотухин, 1983, с. 281). Я.П. Гершкович, рассматривая вопросы хронологии и эволюции сабастиновского керамического материала в рамках Северного Причерноморья, указывал, что на крымских памятниках каменско-ливенцовской группы она присутствует на многих поселениях, причем на поселении Каменка сабастиновская керамика присутствует как в раннем, так и в позднем этапах (Гершкович, 1997, с. 141). А.Е. Кислый датировал выделяемую им на базе каменско-ливенцовской группы каменскую культуру в пределах XVII – нач. XV вв. до н.э., но при этом не разделял материалы поселения Каменка на этапы, указав на то, что керамика в них не имеет различий (Кислый, 2003-2004, с. 124). По материалам поселения Планерское I Г.Н. Тощев соотносит нижний горизонт поселения с катакомбной культурой на основании нахождения молоточковидной костяной булавки, а верхний слой с культурно-исторической общностью многоваликовой керамики, при этом предлагает назвать верхние горизонты памятников не каменской, а каменско-планерской культурой (Тощев, 2007, с. 159-160, 171, рис. 57, 13). Помимо этого, крымские памятники включались в сабастиновскую культуру, с уточнением только для Каменки наличия слоя финала средне-бронзового века (Березанская и др., 1986, с. 88).

Что касается Ливенцовской крепости, то С.Н. Братченко датировал ее XX–XVIII/XVII вв. до

н.э., соотнеся время существования с культурой многоваликовой керамики (Братченко, 2006, с. 229). В сторону удревнения памятника выступил Р.А. Мимоход, на основании того, что в погребении 6 из заполнения рва, которое стратиграфически относится к периоду после гибели крепости, было найдено костяное узкопланочное изделие, которое он датирует 2100–2000 гг. до н.э. (Мимоход, 2022а, с. 259), а О.П. Ларенок удревнила период основания крепости в позднекатакомбный период (Ларенок, 2023, с. 155).

Помимо этого, существует группа поселенческих памятников в бассейне среднего течения р. Северский Донец, расположенных компактно у реки в междуречье Красной и Айдара и формирующих помимо дельты Дона еще один «анклав» в степной зоне. Поселения эти разновременные, стратиграфически культурный слой с интересующей нас керамикой не выделялся, а количественно она представлена на памятниках неравномерно. К сожалению, в закрытых комплексах она не известна и лишь выделена С.Н. Санжаровым из общего массива, как имеющая аналогию с материалами Ливенцовско-Каратаевской крепости (Санжаров, 2010).

Итак, мы видим, что мнения исследователей расходятся в диапазоне от средней бронзы до сабастиновского этапа позднебронзового века, но поскольку ряд типов керамики, найденной на этих памятниках, имеет признаки, характерные для «пифосов» Лчашено-Мецаморской культуры, вопрос хронологической позиции необходимо разобрать более подробно.

Первостепенное значение для нас будут иметь материалы сооружений Ливенцовской крепости как закрытые и отдельно описанные комплексы. Несколько иная ситуация на поселении Каменка, где В.Д. Рыбалова выделяла хронологические этапы не исходя из стратиграфической ситуации, а эмпирическим путем – были разбиты раскопы в разных частях памятника и ей было допущено, что часть исследованных жилищ имеют более раннюю позицию, а другая часть – позднюю. Материалы были даны не отдельно по комплексам, а группами – 1, 2 и 6 жилища были отнесены к раннему этапу, а 3-5 и 7-12 – к позднему (Рыбалова, 1974, с. 19, 31). Мы испытываем определенные сомнения в корректности данной градации ввиду взаимовстречаемости некоторых форм керамики и орнаментальных мотивов, тем не менее, там представлен материал, представляющий для нас значительный интерес.

В стратиграфическом плане двуслойным

оказалось поселение Планерское I, имея в нижнем горизонте закрытые комплексы в виде жилищ. Г.Н. Тощев предлагает отождествлять керамический материал из них с нижним горизонтом Кировского поселения, однако существует проблема из-за того, что найденный керамический материал представляет собой маловыразительные фрагменты венчиков и доньев без каких-либо морфологических особенностей. Орнаментированным оказался только один фрагмент шаровидного сосуда с одним горизонтальным валиком в верхней части тулова. По поводу найденной там костяной молоточковидной булавы тоже есть сомнения, можно по ней уверенно датировать слой, поскольку найдена она была вне комплексов (Тощев, 2007, с. 110). При таких же условиях была найдена и каменная булава грушевидной формы (Тощев, 2007, с. 159, рис. 57, 4). Такие формы, наравне с шаровидными булавами, известны на Кавказе и описаны В.И. Козенковой среди находок начала I тыс. до н.э. с указанием, что они относятся к архаическим формам и известны в течение продолжительного времени, начиная с конца III тыс. до н.э., то есть хронологическим индикатором булава быть не может (Козенкова, 1982, с. 25). Подобная шаровидная булава происходит и из поселения Каменка (рис. 2, 7) (Рыбалова, 1974, рис. 9, 4). Верхний слой Планерского I, бесспорно, имеет материалы, аналогичные каменским, но он не имеет закрытых комплексов. Были найдены 25 очагов, но, судя по описанию, проследить какие-то ни было конструкции, не представилось возможным, четкого датирующего материала слой не имел (Тощев, 2007, с. 151).

Обратимся теперь к тем материалам, опираясь на которые исследователи проводили датирование. Для поселения Каменка – это роговой псалий из жилища 1 (рис. 2, 5). В.Д. Рыбалова и С.Н. Братченко как хронологический репер для него использовали аналогичную находку из IV гробницы Микен, которая датируется 1570–1550 гг. до н.э., но в 1970-е гг. В.Д. Рыбалова еще оперировала более широкой датой, предложенной А.М. Лесковым в рамках XVI–XV вв. до н.э. для аналогичных изделий в Северном Причерноморье (Кузмина, 1994, с. 179; Рыбалова, 1974, с. 22, 47). Сейчас В.С. Бочкарев и П.Ф. Кузнецов выделили такие псалии в отдельный тип – «архаичные», изготавливались они из эпифизов крупного рогатого скота и являются цельными в отличие от составного костяного псалия из гробницы Микен. В.С. Бочкарев и П.Ф. Кузнецов

синхронизируют их с потаповскими и покровско-абашевскими древностями. Известен фрагмент подобного псалия со срубного поселения Бабиц-1 в Башкирии. Оговаривается, что архаичный их облик указывает не на раннюю хронологическую позицию, а на «варваризацию», обусловленную материалом изготовления (Григорьев, 2022, с. 167). Общее количество подобных псалиев невелико, и они не могут выступать датирующим маркером.

Далее следует отметить два экземпляра кольцевого костяного, судя по описанию, найдены вне комплексов (рис. 2, б) (Рыбалова, 1974, с. 22, 24). Профилированные костяные изделия с двумя отверстиями, аналогичные находкам в Каменке, присутствуют в материалах финала средней бронзы, конца II этапа Днепро-Донецкой бабинской культуры, затем их распространение смещается на запад. Верхняя же граница их бытования относится к XVI в. до н.э. для Лесостепного Поднепровья и XV – рубеж XV/XIV вв. до н.э. для позднего этапа Днепро-Прутской бабинской культуры Северо-Западного Причерноморья. В Поднепровье верхняя дата основывается на радиоуглеродном датировании, а для памятников Северо-Западного Причерноморья на синхронизации с культурой Монтеорю карпатского региона (Литвиненко, 2009, с. 70-71; Лысенко, 2011, с. 127, рис. 2; Савва, 1992, с. 145-146, 173-175).

Вернемся к Ливенцовско-Каратаевской крепости. При раскопках каратаевского участка в слое было найдено кольцевое костяное изделие с одним отверстием и бортиком вокруг него (рис. 2, 1). Оно характерно для начала II этапа Днепро-Донецкой бабинской культуры, а верхняя граница их бытования в Лесостепном Поднепровье относится к XVIII–XVII вв. до н.э. и XVII–XVI вв. до н.э., т.е. ранним этапом культуры многоваликовой керамики для Северо-Западного Причерноморья (Литвиненко, 2009, с. 70; Лысенко, 2011, с. 127, рис. 2; Мимоход, 2022а, с. 258; Мимоход, 2022б, рис. 238, 13; Савва, 1992, с. 145).

Следующей находкой, уже из ливенцовского участка, является каменный топор бородинской группы с «вычурным полуциркулярным лезвием» без сверлины (рис. 2, 3). На плане раскопа, опубликованном С.Н. Братченко, не указано, где именно он был найден, поскольку имелись еще находки фрагментов топоров, но по плану видно, что все они были вне комплексов (Братченко, 2006, с. 145, рис. 75, б; с. 81-82). Всего топоров этой группы известно восемнадцать, причем именно этот экземпляр наиболее похож из всей

группы на бородинский топор. Из них к хорошо датированным можно отнести только два, найденные в погребениях – по одному в Верхнем Подонье и в Нижнем Поволжье, оба имеют атрибуцию покровской культуры и датируются первыми веками II тыс. до н.э. Еще три происходят с поселений, но, к сожалению, не из закрытых комплексов, один экземпляр из самого клада, все остальное – случайные находки. Неизвестно место происхождения топоров, они не характерны ни для Кавказа, ни для Урала или Карпат. М.Т. Кашуба даже предположила возможность местного производства топоров представителями бабинской культуры (Кашуба, 2022, с. 121-123, рис. 1-2).

Следующая находка уже является стратифицированной, относящаяся к погребению 6 заполнения рва крепости, т.е. совершенному уже после разрушения и заполнения рва. С.Н. Братченко выделил кольцевое узкопланочное изделие (определенное им как «пряжка») как определяющую хронологию крепости (рис. 2, 2). Поскольку рвы прорезали курганы с погребениями донецкой катакомбной культуры среднего и позднего периодов, то это было им обозначено как *terminus post quem* для крепости, а каменско-ливенцовские, к которым он относил и погребение 6, вместе со срубными погребениями в заполнении рвов как *terminus ante quem* (Братченко, 2006, с. 222).

Опираясь на датировку аналогичных изделий на Северо-Восточном Кавказе второй четвертью II тыс. до н.э., им было допущено, что находка из погребения 6, обрядность которого предположительно синхронна бабинской культуре, относит его дату к стыку финального этапа средней и поздней бронзы (Братченко, 2006, с. 93). Иногда в литературе ошибочно указывают, что С.Н. Братченко датировал это изделие финалом средне-бронзового века, но это не так. Он никак не датировал его и лишь использовал хронологию Северо-Восточного Кавказа В.Г. Котовича, где подобные находки относились к начальному периоду поздней бронзы, хотя прямой ссылки на В.Г. Котовича у С.Н. Братченко нет.

Для уточнения хронологических позиций изделий возвращаемся на Кавказ и обращаемся к материалам, на которые ссылался С.Н. Братченко. В могильнике Гинчи на Северо-Восточном Кавказе, в каменном склепе №2 были совершены множественные погребения, на втором ярусе (ярусы были перекрыты крупными камнями) найдено кольцевое узкопланочное изделие

из кости (рис. 12, 10). М.Г. Гаджиев, опираясь на сходство конструкции склепа с характерными для каякентско-харачоевской культуры погребальными сооружениями и нахождением на этом ярусе костяной стрелы, отнес склеп к последним векам II тыс. до н.э. (Гаджиев, 1969, с. 157, рис. 10, 12-13). Это был начальный период культуры, которая в целом датировалась Е.И. Крупновым XII–VII (позже IV) вв. до н.э. Позже В.Г. Котович отнес ее ранний этап к 1600–1500 гг. до н.э. (Кушнарева, Марковин, 1994, с. 335, 351-352).

Костяные наконечники стрел хорошо известны на кобанских поселениях и могильниках. В.И. Козенкова относит их к III типу и датирует X – рубежом VIII–VII вв. до н.э. (рис. 12, 12) (Козенкова, 1982, с. 14, табл. X, 16-21). Помимо этого, на втором ярусе была найдена бронзовая булава. Несмотря на то, что края ее сильно повреждены, у нее прослеживается дисковидность наворачия (рис. 12, 11), причем на диске имеется небольшое отверстие. Такие булавки широко представлены в Тлиевском могильнике в погребениях, относимых Б.В. Теховым к ранней группе (XVI–XIII вв. до н.э.) (Техов, 1977, с. 38, рис. 39, 1, 5). Известны они и в Верхне-Кобанском могильнике, где датируются серединой XII–X вв. до н.э., и будут также распространены в западном варианте кобанской культуры (Козенкова, 2013, с. 55).

Важной для нас является и керамика из могильника Гинчи. Среди находок второго яруса имеются сосуды с ручками в форме заостренных ушек (рис. 12, 14). Такая керамика известна в культуре Гинчи (Магомедов, 1998, с. 311, рис. 71), но, как уже отмечалось выше, хронологическая позиция памятников не является надежно обоснованной. Если рассматривать регион шире, то аналогичные выступы или заострения на ручках разных сосудов хорошо известны на Кавказе, в Восточной Анатолии и Северо-Западном Иране, где являются хронологическим маркером периодов EIA и MIA (Avetisyan, 2009, p. 69, 72, 75, fig. 1, 10; 4, 4; 7, 1, 4, 14; Danti, 2013, p. 349, fig. 17.8, w; Khatchadourian, 2011, p. 478, fig. 20.2, j), поэтому мы считаем эту привязку более надежной. Остальные типы керамики, такие как кружки и чаши с ручками у венчика, амфорки, также имеют прямые аналогии в керамике Кавказа (рис. 12, 13, 15-16). Широкое распространение они имеют и на памятниках Западного и Северо-Западного Ирана XII–VIII вв. до н.э. (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 240, pl. IX, 8, pl. XII, 12; Overlaet, 2003, p. 77, fig. 54; Rezaloo et al.,

2015, pl. 2, 7-8, 4, 1-3, 6, 1-2). Подытоживая, мы можем сказать о том, что костяное изделие можно датировать рубежом II–I тыс. до н.э.

По схеме В.Г. Котовича погребение 7 и весь могильник Гатын-Кале были отнесены к финальному гинчинско-гатынкалинскому этапу гинчинской культуры, и датировались в рамках XVII–XVI вв. до н.э. (Магомедов, 1998, с. 170). Однако интересующее нас погребение (Марковин, 1960, с. 65, рис. 27, 8-9, 11, 14) можно датировать по кинжалу (рис. 12, 6, 8). Аналогии ему хорошо известны на Кавказе, подобные кинжалы или «ножи» срубного типа являются степными импортами и определяются сабаатиновско-раннебелозерским периодом в рамках XIII–XI вв. до н.э. (Козенкова, 2013, с. 91, рис. 45, 1, 5). Также в погребении была найдена булава, аналогичная описанной выше, только с нанесенным орнаментом (рис. 12, 5), и массивный бронзовый медальон с орнаментом «бегущая спираль» (рис. 12, 7). Подобные бронзовые медальоны очень редки для Кавказа. Еще в 20-е гг. прошлого века М.И. Ростовцев предположил, что их следует соотносить с эллинистическим периодом (Muscarella, 1988, p. 441), хотя сейчас очевидно, что данный экземпляр относится к эпохе поздней бронзы. Подобный орнамент известен на керамике Центральной Колхиды и на бронзовых браслетах кобанской культуры, которые датируются концом II – началом I тыс. до н.э. (Козенкова, 2013, рис. 22, 10; Куфтин, 1950, с. 195), хотя его появление на Южном Кавказе известно еще с периода MBA II (XXII – рубеж XVIII/XVII вв. до н.э.) в культуре Триалети-Ванадзор, а проникновение его Кавказ исследователи связывают с минойским влиянием (Куфтин, 1950, с. 195-196, рис. 51; Puturidze, 2016, p. 145, pl. VIII, 15-16, 21, IX, 2, 8, 13, X, 17).

На территории Восточного Кавказа костяное узкопланочное изделие было найдено Я.И. Гуммелем в могильнике Ханлар п. 18 (рис. 12, 17) (Гуммель, 1940, с. 71, фиг. 30, 1-15), которое относится к группе поздних курганов, датируемых разными исследователями либо концом II тыс. до н.э., либо рубежом II–I тыс. до н.э. (Погребова, 2011, с. 68-69). Помимо курганов, Я.И. Гуммелем проводились раскопки поселения Ганджачая, где в сооружении №58, состоящем из четырех помещений, была найдена аналогичное костяное узкопланочное изделие, а также бронзовая пуговица и браслет (рис. 12, 1-3). Выпуклая пуговица в Лчашено-Мецаморской культуре известна с периода LBA, на Северном Кавказе они появятся в

первых веках I тыс. до н.э. и продолжают бытовать также и в скифский период (Козенкова, 1982, с. 38-39, табл. XXIV, 4, 5; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 97, pl. IV, 11). Браслет дает нам более узкую дату, моделированные по всей длине глубокими перемычками бронзовые браслеты широко распространен на Кавказе и Северо-Западном Иране в периоды EIA и MIA (Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 155, pl. III, 12; Danti, 2013, p. 366, fig. 17.19, g-h, j-k; Yengibaryan, 2019, p. 36, fig. 6, 9, 12).

Можно еще привести в пример находку из могильника Джафар Абад к. 8 в Северо-Западном Иране (рис. 12, 9). Погребение было датировано 1200–800 гг. до н.э. Примечательно, что там также был обнаружен браслет, аналогичный находке в сооружении №58 (Ghadim, 2011, s. 197, Çiz. 46).

Таким образом, мы видим, что с высокой вероятностью погребение 6 было совершено значительно позже, в период финала позднебронзового или раннежелезного веков и не может служить для памятника как *terminus ante quem*.

Теперь следует перейти к керамическим материалам закрытых комплексов, которые на Ливенцовско-Каратаевской крепости представлены восемью сооружениями. В коллекции орнаментированная керамика составляет 40%, самый распространенный мотив – горизонтальная линия, по технике исполнения преобладает валик – 62% (из них многоваликовых – 6%), затем шнуровая – 11%, прочерченная – 9%, прочие – 18%. Нанесен орнамент на верхнюю часть округлобоких сосудов, прежде всего на горловину и плечики. В нижней части орнамент нанесен у трех сосудов, и все они относительно небольших размеров (рис. 16, 1-13, 16) (Братченко, 2006, с. 122).

Как мы видим, мотив и техника орнаментации, морфология сосудов аналогична кавказским пифосам, хронологическая позиция которых описывалась выше. Интересно отметить, что на одном сосуде из сооружения 8 (рис. 16, 8), орнаментированном мелким зигзагом по валикам, на тулове имеется частично сохранившийся налест, аналогичный М-образным знакам в каякентско-харачоевской керамике (рис. 11, 6, 11, 14). К аналогиям этого знака можно привести в пример найденный на могильнике Артик на территории Армении сосуд с М-образным знаком, расположенным среди орнаментированной композиции, датируемый периодом LBA (рис. 21, 4) (Братченко, 2006, с. 110, рис. 52, 5; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 71, pl. III). Единственный

регион с аналогичным нанесением знака «М» на керамику, но в технике росписи, известен авторам в Юго-Восточном Иране, например, на поселении Бамбур (рис. 21, 1-2), где подобные орнаменты относятся к периоду Тепе Яхья IVB (2400–2100 гг. до н.э.). Сложно сказать, связано ли происхождение М-образного знака с территорией Ирана, или нет. Возможно, со временем представление о географии и хронологии данного орнамента расширится, но все же сравнение кажется нам достаточно любопытным (Matthews et al., 2022, p. 309, fig. 9.35; Lamberg-Karlovsky et al., 2001, p. 276).

Помимо крупных сосудов, кавказская керамика представлена горшками. Биконический сосуд с небольшим раструбным венчиком из сооружения 1 (рис. 16, 14), на Кавказе они хорошо известны по целым формам из слоя Па-в Гехарота XV – кон. XIII вв. до н.э. (рис. 9, 16-18). Это самое раннее появление такого типа сосуда, он продолжает свое бытование и в периоде EIA и будет распространен на территории Северо-Западного Ирана и Восточной Анатолии (Братченко, 2006, с. 96, рис. 38, 2; Техов, 1977, с. 71, рис. 60, 6; Avetisyan, 2009, p. 70, fig. 2, 14; Badalyan et al., 2008, fig. 23, a-c, e; Danti, 2013, p. 350, fig. 17.9, l; Khatchadourian, 2011, p. 482, fig. 23, h).

Бесшейный сосуд закрытой формы из сооружения 5 (рис. 16, 17) имеет аналогию в п. 43 тлийского могильника, который отнесен Б.В. Теховым к периоду XVI–XIII вв. до н.э. (рис. 21, 3). Подобный сосуд, имеющий отличие лишь в незначительно выделенном наружу венчике, найден и в кургане Саснашен на территории Армении, где датирован 2-й половиной XV – 1-й половиной XIV вв. до н.э. (Братченко, 2006, с. 103, рис. 45, 3; Техов, 1977, с. 24, рис. 21, 1; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 225, pl. I, 4). В более поздний период (VIII–VII вв. до н.э.) они будут распространены на территории Колхиды, но с одной небольшой петельчатой ручкой (Avetisyan, Bobokhyan, 2008, fig. 19, 7-8).

Округлобокий сосуд с горизонтальным орнаментом в виде ёлочка на плечиках и вдавлениями по краю венчика (рис. 16, 18, 20) находит аналогии на кавказских памятниках. В частности, такой орнамент появляется с периода MBA III в керамике II и III горизонтов Узерлика. На Северо-Восточном Кавказе такой тип орнаментации распространен во втором периоде каякентско-харачоевской культуры, что мы уже рассматривали выше, но наибольшее распространение он получает в более позднее время EIA и будет бытовать

и в ахеменидский период, в том числе на памятниках Центральной и Северной Колхиды (рис. 6, 11, 8, 15-16, 11, 5-6, 14, 19, 12) (Братченко, 2006, рис. 48, 8; Габелия, 2014, с. 78; Куфтин, 1950, с. 186, рис. 48, 37, 53-54; Avetisyan, 2017, p. 63, fig. 6, 30, 45-46; Badalyan et al., 2008, p. 82, fig. 33, i). Орнамент в виде вдавлений по краю венчика тоже типичен для Кавказа. Если в Северной Колхиде, имеющей дефицит датированных поселенческих памятников поздней бронзы, мы их видим на доантичных материалах (рис. 8. 19-20) (Джопуа, 2009, рис. 52, 8-26, 53, 1-7, 10, 12), то аналогичная орнаментация в кобанской культуре известна на поселении Кабардинка 2, где методом радиоуглеродного датирования было получено время бытования памятника в рамках XIII–XI/X вв. до н.э., с возможным омоложением до IX в. до н.э. (Reinhold u. a., 2007, s. 164, Abb. 34, 11-14). Более ранних датированных памятников на данный момент не известно. Как аналогию, можно привести еще сосуд из могильника Анапская I к. 7 п. 13 (рис. 15, 3) и фрагмент венчика из материалов Геленджикской стоянки (рис. 6, 7).

Форма чаши из сооружения 1 с вертикальными стенками и ребром при переходе к сужающемуся дну (рис. 16, 19) на Ближнем Востоке является одной из самых архаических и самых распространенных. Имея различия в орнаментальной традиции, наличии или отсутствии ручек, она все же сохраняет морфологические особенности на протяжении длительного времени. В верховьях Тигра и Евфрата она известна с середины V тыс. до н.э., в Иране с начала IV тыс. до н.э., присутствуют такие сосуды и в Лчашено-Мецаморской культуре. В качестве хронологического индикатора их использовать весьма затруднительно, но эта чаша лишней раз показывает южные связи крепости (Братченко, 2006, с. 95, рис. 37, 9; Akkermans, 1988, p. 231, pl. 69, 24; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 240, pl. IX, 3; Lamberg-Karlovsky et al., 2001, p. 65, fig. 2.11).

Сосуд из сооружения 5, орнаментирован двумя рядами треугольников, обращенных вершинами друг к другу (рис. 16, 15). В материалах крепости аналогичный ему сосуд найден в к. 11 п. 22 (рис. 18, 5-6). Погребение – неглубокая катакомба с погребенным в позе наездника на правом боку и западной ориентировкой. Аналоги сосуду также известны авторам на Кавказе еще в двух экземплярах, из погребений в могильнике Чегем II к. 33 и Дзуарикау к. 8 п. 5. В обоих случаях датировать погребения не представляется возможным (Братченко, 2006, рис. 28, 5, 44, 1;

Николаева, 2011, с. 267, 286, рис. 49, II, рис. 91).

Стоит добавить, что на некоторых экземплярах керамики имелись следы применения гончарного круга или поворотного столика (Братченко, 2006, с. 106). Подводя итог рассмотрению кавказского компонента коллекции, мы видим, что у нас представлены сосуды, которые имели довольно большой хронологический диапазон, но мы совсем не видим форм керамики, характерных только для поздних периодов, т.е. мы можем говорить, что коллекция формировалась в пределах XV–XIII вв. до н.э.

Теперь мы перейдем к степному компоненту, представленному практически исключительно сабастиновским материалом. В сооружении 1 найдены усеченноконический баночный сосуд, аналогии которому имеются в ранний и развитые периоды сабастиновского этапа, и сосуд с вертикальными стенками, слабо выделенным венчиком и валиком с насечками под ним, типичен для всех периодов сабастиновского этапа (рис. 17, 1, 4). Из сооружения 2 происходит сильно выпуклобокий горшок с уступом изнутри на уровне основания шейки, их аналогия известна только в раннесабастиновском периоде (рис. 17, 6) (Братченко, 2006, рис. 37, 5-6, рис. 39, 6; Гершкович, 1997, с. 140). В сооружении 4 найден сосуд с выступающими боками и слабо отогнутым венчиком, орнаментированный двумя волнистыми линиями в центральной части сосуда. И.Н. Шарафутдинова определяет подобные горшки как срубные, относящиеся к раннесабастиновскому времени (рис. 17, 10) (Шарафутдинова, 1982, с. 61, рис. 20, 2,8). Сильно выпуклобокий сосуд с зауженной S-видной шейкой из сооружения 5 бытовал в течение всего сабастиновского этапа (рис. 17, 2, 7) (Братченко, 2006, рис. 45, 9; Гершкович, 1997, с. 140). Аналогичный ему сосуд найден и в сооружении 6 (рис. 17, 5). Из сооружения 5 также происходит сосуд с ребром выше середины тулова и небольшим раструбным венчиком и орнаментированный двумя горизонтальными линиями насечек. Такие горшки известны в позднерубное и белозерское время. Например, подобный сосуд мы видим в к. 11 у с. Петро-Михайловка, в стратиграфической колонке срубных погребений этого кургана он относится к поздним погребениям (рис. 17, 7) (Братченко, 2006, рис. 46, 11; Черниенко, 2014, с. 64, рис. 8, 3; Шарафутдинова, 1982, с. 79, рис. 27, 12). Миска из сооружения 6, орнаментированная двумя треугольными валиками под венчиком и защипами по венчику, характерна для всего сабастиновского периода (рис.

17, 8) (Братченко, 2006, рис. 48, 1; Гершкович, 1997, с. 140; Шарафутдинова, 1982, с. 91). Баночный выпуклобокий сосуд с незначительно выделенным венчиком из сооружения 7 встречен во всех периодах сабаатиновских древностей (рис. 17, 3) (Братченко, 2006, рис. 50, 4; Гершкович, 1997, с. 140). К степной керамике также следует отнести фрагменты стенок с налпами в виде кнопок (Гершкович, 1997, с. 134, рис. 5, 8, с. 138, рис. 7, 4). С.Н. Братченко тоже отмечал некоторое сходство с позднебронзовой керамикой, но развитие это наблюдение у него не получило (Братченко, 2006, с. 112).

Взаимовстречаемость керамики из материалов, опубликованных С.Н. Братченко, выглядит следующим образом. В сооружениях 1, 3, 5-7 представлены как кавказские, так и степные образцы керамики. В сооружении 2 степной материал, 4 и 8 имеют только кавказскую керамику. Тем не менее, поскольку керамика из сооружений 2, 4 и 8 взаимодействует с материалом остальных объектов, мы можем говорить о едином времени формирования керамической коллекции. Фраза «на стыке двух культур» как никогда актуальна для этих сооружений.

Хронологическая позиция сабаатиновской керамики дает нам более узкую дату. Мы имеем образцы керамики, характерные не только для всего периода, но и представленной лишь на раннесабаатиновском этапе, из чего можно сделать вывод, что вся коллекция формировалась в раннесабаатиновском этапе. Не вдаваясь в подробности вопроса соотношения ранней Сабаатиновки с позднесрубным, раннесрубным периодами или их рубежом, мы считаем, что будет уместным отнести материалы из крепости с поселением Новокиевское слой А, по причине того, что большинство типов сабаатиновской керамики крепости встречены в этом слое. По материалам литейной мастерской он датируется XV–XIV вв. до н.э. (Черниенко, 2014, с. 55), что является рубежом раннесрубного и позднесрубного периодов.

Крепость функционировала непродолжительный период, о краткости бытования указывалось С.Н. Братченко. Обосновывалось это бедностью культурного слоя и отсутствием перестроек (Братченко, 2006, с. 156, 166). С крепостью синхронизируется V слой поселения Ливенцовка I и исследованный рядом могильник. Э.С. Шарафутдинова была сторонницей синхронизации раннесабаатиновского периода с позднесрубным и датировала весь комплекс XIV в. до н.э. (Братченко, Шарафутдинова, 1996, с. 211-212). К

этому времени можно отнести и разрушение крепости, о чем нам говорят погребения из заполнения рва, прежде всего погребения 3, 6, 9 и 10. Из погребения 3 происходит позднесрубный сосуд (рис. 18, 1), аналогии которому мы рассматривали выше (рис. 17, 7). Усеченноконический сосуд из погребения 10 (рис. 18, 3) довольно небольшой по сравнению с сосудом из крепости (рис. 17, 4). Этот тип широко известен на сабаатиновских памятниках как раннего, так и развитого этапов (Гершкович, 1997, с. 131; Черниенко, 2014, рис. 4, 1, 9). В погребении 9 был найден бронзовый нож (рис. 18, 4). Такие кинжалы изготавливались на протяжении длительного времени. Наиболее поздний известный комплекс с аналогичными изделиями - Таманский клад, датированный XIII в. до н.э. (Пелих, 2003, с. 57, рис. 12, 1, 8-9). Погребение 6 выше нами уже разбиралось и совершенно оно могло быть и в более поздний период. Более высокий уровень в заполнении рва крепости занимали погребения 2, 4 и 13 (рис. 18, 2), отнесенные С.Н. Братченко к позднесрубному периоду (Братченко, 2006, с. 93, рис. 23, 4-5, рис. 25, 5-6). Погребения верхнего и нижнего уровней разделялись не стратиграфической позицией, а глубиной обнаружения, хотя мы видим, что они относятся к одной эпохе.

Что касается найденного топора и костяного изделия на территории крепости, то мы видим, что они не могут быть определяющими для времени ее существования, это находки вне комплексов, а значит – вне контекста. Материал комплексов однозначен, и представляет из себя массив, к тому же мы имеем пример перекрестного датирования, поэтому присутствие этих артефактов можно считать случайным. Может быть множество причин того, как они могли там оказаться, например, из погребений, разрушенных при строительстве рвов, тем более, что факты повреждения курганов нам известны из исследованных участков.

Таким образом, получается, что крепость была основана на рубеже XV–XIV вв. до н.э. или начале XIV в. до н.э., существовала непродолжительное время и была разрушена в XIV в. до н.э., хотя даты могут быть скорректированы с уточнением хронологии раннесабаатиновского этапа.

Поселение Каменка было изначально датировано как позднебронзовое, и его сабаатиновский компонент подробно разбирался исследователями (рис. 19) (Гершкович, 1997; Рыбалова, 1974). Керамическая коллекция в Каменке в целом идентична донским материалам, поэтому мы

остановимся лишь на тех находках, которые не представлены в крепости, поскольку они важны для понимания общей картины.

Керамическая крышка (рис. 19, 2), относимая В.Д. Рыбаловой к раннему этапу, имеет небольшой изгиб с уплощенной выступом-ручкой (Рыбалова, 1974, рис. 4, 2). В период поздней бронзы крышки для степных памятников являются редкими находками, и, судя по морфологии, данный экземпляр относится именно к степным крышкам. На Кавказе крышки появляются только в период ЕИА, они имеют петельчатую ручку, либо ручку «пуговицу», могут быть тонкими, и сильно изогнутыми, и иметь дополнительное ребро, либо быть массивными, плоскими и иметь резной, или штампованный орнамент (Габелия, 2014, с. 61, 62, 72-73, табл. XXII, 7-8, табл. XXIII; Шарафутдинова, 1982, с. 98; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 217, pl. V, 2).

На поселении мы видим и гораздо более поздний материал, такой, как горшок с яйцевидным туловом и покатыми плечиками (рис. 19, 11, 13). Аналогии ему известны в раннем железном веке и скифский период и имеют значительное географическое распространение - от Северо-Западного Причерноморья до Нижнего Поволжья, известна находка подобного сосуда в Ленинахable на Северо-Западном Кавказе, а также в погребении 4 могильника №1 у с. Эргета в Западной Грузии, датированное рубежом VII-VI вв. до н.э. (Лукьяшко, 2012, с. 129, табл. CXCI, 1, CCI, 6, CCII, 2; Микеладзе, 1982, с. 32, табл. XLV, 2; Рыбалова, 1974, рис. 4, 13; Эрлих, 2005, с. 165, рис. 127, 5).

К поздним материалам относятся и сосуды с орнаментом в виде двойного горизонтального ряда округлых или треугольных вдавлений (рис. 20, 9-10) (Рыбалова, 1974, рис. 4, 10, 14, 14). Такой тип орнаментации известен на Кавказе с периода МВА III и был широко распространен в рамках Лчашено-Мецаморской и Колхидской культуры (рис. 20, 1-8) (Габелия, 2014, табл. XXVIII, 8; Avetisyan, 2009, fig 4, 5; Avetisyan, 2017, fig. 17, 6; Badaljan et al., 1992, p. 40, fig. 7, 10; Badalyan, Avetisyan, 2007, p. 189, pl. II, 20-21, p. 215, pl. III, 4-5; Engibaryan u. a., 2013, taf. 7, 7, 35, 8). Несмотря на это, в Северном Причерноморье такой орнамент появляется достаточно поздно. В конце II тыс. до н.э. и доантичное время мы видим его на памятниках Кизил-Кобинской культуры, а в дельте Дона они представлены на поселениях кобяковского типа Хапры и Нижнегниловское (рис. 20, 11-12) (Потапов,

2010, рис. 62, 4, 11; Сенаторов, 2001, с. 71, рис. 30, 4, 34, 1, 3, 6, 214, 1-3; Шарафутдинова, 1980, табл. V, 4, VIII, 6, XII, 1, XIV, 2). В раннескифский и скифский периоды помимо указанных районов этот орнаментальный мотив на севере становится более распространенным, появляется он и в кобанской культуре (рис. 20, 13-15) (Дарган, 2011, с. 419; Лукьяшко, 2012, с. 171, табл. CCII, 6, 8; Козенкова, 1982, с. 76, табл. LI, 4). Стоит добавить, что авторами настоящей статьи при исследовании селища Дивноморское под Геленджиком в доантичном горизонте были обнаружены сосуды, имевшие аналогичный орнаментальный мотив (рис. 20, 16), материал готовится к публикации, где вопросы, связанные с географией распространения и хронологией, будут рассмотрены более подробно.

Стоит также обратить внимание на фрагмент венчика с валиком по его краю и спиральными штампами на горловине (рис. 19, 8) (Рыбалова, 1974, рис. 11, 12). Такой орнамент также встречается как на колхидской, так и лчашенской керамике (Куфтин, 1950, табл. 34, 1-6, рис. 48, 81; Brodbeck-Jucker, Kunze, 2023, p. 67, fig. 9).

Закончим обзор интересным артефактом - скульптурным изображением лягушки, вырезанным из позвонка животного (рис. 2, 4). Изделие любопытно тем, что подобные артефакты были распространены на Южном Кавказе с середины II тыс. до н.э. Изготавливались они из различного материала: золота, камня, фаянса и считаются амулетами, хотя изделия из золота могли использоваться ювелирами в качестве гирь. В этот период амулеты в виде лягушек имели широкое распространение и на Ближнем Востоке (Рыбалова, 1974, рис. 12; Шаншашвили и др., 2016, с. 141, табл. XL, 4-11).

Итак, мы видим, что помимо сабастиновского материала, который относит поселение Каменка к XIV-XIII вв. до н.э., есть и более поздний материал, хотя керамика с двойным кольчатым штампом вполне могла бытовать и в этот период. Возможно, что поселение существовало продолжительное время, тем более что В.Д. Рыбаловой были описаны три разных типа жилищ.

Подытоживая рассмотренный материал, надо указать, что Каменско-Ливенцовская группа - это «проблемные» памятники. Они задавали больше вопросов, чем давали ответы, и причиной этих проблем была керамика с валиковой орнаментацией. Именно из-за нее исследователи и обращались к этапу финала средней бронзы. Помимо проблемы хронологии памятников,

исследователи поднимали и другие вопросы. Почему памятники находятся только в приморской зоне, неизвестно и пространство керамической традиции, а ведь так локально керамическая традиция бытовать не может. Почему на крепости фортификационные сооружения довольно развитой формы, а аналогий или иных оборонительных сооружений на поселениях в Северном Причерноморье неизвестно. Решение этих проблем в рамках Северного Причерноморья упиралось к поиску связей бабинских и каменско-ливенцовских памятников и все хронологические изменения были направлены на то, чтобы встроить памятники в какую-то логическую систему. Выход виделся на Кавказе, но, на Северо-Западном Кавказе исследователями указывались лишь материалы отдельных погребений, которых было явно недостаточно для решения стоящих вопросов, лишь открытие Гамовской Балки стало важным подтверждением того, что кавказское направление верное (Братченко, 2006, с. 219, 226, 229-230, 237; Кислый, 2003-2004; Колотухин, 1983; Рыбакова, 1974, с. 25).

За последние четверть века представление об археологии Южного Кавказа серьезно изменилось. Раскопки поселенческих памятников стали носить системный характер, количество информации выросло как количественно, так и качественно. Современное состояние изучения Кавказа позволяет по-новому взглянуть на памятники каменско-ливенцовской группы, и мы надеемся, нам получилось выстроить логическую цепь, которая решает хронологическую проблему через атрибуцию керамических материалов с валиковой орнаментацией с материалами Южного Кавказа.

Теперь же мы попытаемся ответить на вопрос, почему кавказский материал оказался в этом регионе. В середине II тыс. до н.э. на Кавказе происходят значительные изменения, связанные с событиями на Ближнем Востоке. С укреплением царства Митанни, после победы над Ассирией, происходит перемещение торговых путей, идущих из Центральной Азии в Восточное Средиземноморье севернее озер Ван и Урмия, Кавказ становится активным участником международной торговли. Нельзя сказать, что торговых связей не было в предыдущие периоды, в данном случае речь идет о масштабах этой торговли. Период XV – 2-й половины XIV вв. до н.э. считается временем политического влияния Митанни на Кавказ, в это время происходит демографический бум, растет количество поселений, что

сильно отличает от предыдущего периода, известного больше по курганным погребениям. Что очень важно, начинается строительство крепостей, которые исчисляются десятками и играют важную роль в течение всего периода Лчапено-Мецаморской культуры. Со 2-й половины XIV в. до н.э. после военного поражения Митанни на Южном Кавказе начинается доминирование Ирана, что выражено импортом, прежде всего, луристанскими оловянистыми бронзами, в этот период появляются и кобанские бронзы (Протокобан, начало XIV – 1-я половина XII вв. до н.э.). Доминирование Ирана продолжалось вплоть до IX в. до н.э., до формирования Урартского царства (Козенкова, 1989а, с. 42; Шанша-швили и др., 2016, с. 154-161; Avetisyan et al. 2019, p. 87, 98-99).

Исследование керамической коллекции крепостей и могильников Северо-Западной Армении выявило интересный факт. Было установлено, что центров производства керамики только для исследуемого региона было несколько, распространение ее во внутри-региональной торговле носило характер, сравнимый с массовым производством и распространением керамики в географически обширных империях. По мнению А. Грина, это очень любопытное явление, которое можно назвать гончарной экономикой и к которому нужно отнестись крайне внимательно для понимания процессов, происходивших на Южном Кавказе (Greene, 2012, p. 310, 316).

Исследователями не раз проводилось сравнение расположений памятников эпохи бронзы с античной эпохой, так Ливенцовско-Каратаевскую крепость сравнивали с Елизаветовским городищем и Танаисом. Крымские памятники также располагались там, где позже возникнут античные города Пантикапей, Тиритака, Киммерик и др. (Братченко, 2006, с. 180-181, 230; Кислый, 2003-2004, с. 118). К сожалению, это сравнение ими не было раскрыто в полной мере. Сложность состояла в том, что Боспорское царство выполняло роль посреднической морской торговли, что и отразилось в его географии, а объяснить эту географию в рамках первой или даже второй четверти II тыс. до н.э. не представлялось возможным. Однако те изменения, которые произошли на Кавказе в середине II тыс. до н.э., наполняют приморские памятники смыслом и, мы считаем, что именно торговые отношения привели к появлению кавказских материалов в Северном Причерноморье. Что являлось предме-

том или предметами торговли и ее масштабом - вопрос дискуссионный.

Немного затронем тему крепостей на Кавказе. Строительство их началось с самого начала существования Лчашено-Мецаморской и сопредельных синхронных культур, включая регион Восточной Анатолии, фактически одновременно с появлением поселений. Крепости обычно строились на скальных выступах, образующих естественную преграду с одной или двух сторон и укреплялись одной или несколькими циклопическими каменными стенами. Крепости содержат свидетельства ритуальной, производственной и административной деятельности, но не имеют существенных бытовых сооружений. В среднем их площадь составляла около 1,5 га, а относительно крупные поселения находились вблизи крепостей, и их площадь могла насчитывать уже десятки гектар. Только в урартский период Ванское царство на захваченных территориях разрушает циклопические крепости и строит новые из обработанного камня, в которых размещался гарнизон. Мы наблюдаем интересное явление, заключающееся в том, что на поселениях будут бытовать лчашенская керамика, а в крепостях находки будут представлять ванскую керамическую традицию (Avetisyan et al. 2019, p. 99; Badalyan et al., 2008, p. 45; Greene, 2012, p. 309).

В последнее время вышел ряд работ, которые переосмысливают роль и значение крепостей. Наиболее любопытным нам кажется вывод, к которому пришла группа исследователей из Дартмутского колледжа. Изучив около 400 позднеримских крепостей верховьев Тигра и Евфрата, они пришли к выводу, что крепости не функционировали как пограничная линия, предназначенная для блокирования вторжений персидских армий или для предотвращения набегов кочевых племен. Они выполняли функцию поддержки межрегиональной торговли и связи. Крепости строились не для того, чтобы разделять регионы, а для того, чтобы их объединять, крепость – это инфраструктура торговли, то, что сейчас мы бы смогли назвать «логистическим центром» (Casana et al., 2023).

Возможно, именно подобная интерпретация наиболее подходит для Кавказа, где крепости и новые торговые пути возникали одновременно, и рассмотрение аналогичной по архитектуре Ливенцовско-Каратаевской крепости с точки зрения центра коммуникаций со степью наиболее удачно. С другой стороны, непродолжительный период ее существования говорит, что она не

смогла вписаться в политический ландшафт Северного Причерноморья.

Закончив рассмотрение вопросов, связанных с пифосами, имеющими валиковую орнаментацию, повлекшими за собой столь обширное, но необходимое отступление от первоначальной темы, перейдем к следующим материалам Геленджикской стоянки. Среди них выделяется двуручная амфора с уплощенной гофрированной ручкой и линией вдавлений по корпусу (рис. 5, №535 – 20). Как двуручная она определена авторами по аналогиям, распространенным на Южном Кавказе. Такие амфоры с ручкой, прикрепленной к венчику, появляются на Кавказе в период EIA и известны вплоть до V в. до н.э. (рис. 10, 9, 14). Исследователями считается, что они происходят от кипрских амфор, появившихся во 2-й половине III тыс. до н.э. и распространившихся в Восточном Средиземноморье во II тыс. до н.э., а уже в самом конце тысячелетия мы видим эти амфоры на Южном Кавказе (Avetisyan, 2009, fig. 6, 6; Gamkrelidze, 2021, p. 610, pl. II, 11; Shanshashvili, Narimanishvili, 2016, p. 15, pl. VI, 9). Важно отметить, что морфологически полностью идентичные сосуды известны в Кура-Аракской культуре, разница заключается лишь в том, что керамика Кура-Аракса имеет лощение, верхняя поверхность черная или серая, внутренняя розовых оттенков, а амфоры конца II – середины I тыс. до н.э. не имеют лощения, а обработка поверхности не отличается от иных типов сосудов (Кушнарева, Марковин, 1994, табл. 5, 20-21; Badalyan et al., 2008, p. 50, 56, fig. 12, f). Так, образец из Геленджика схож по структуре теста и примесям с уже рассмотренными пифосами.

Два венчика шаровидных сосудов (рис. 5, №1012 – 10), схожие по структуре теста и примесей с рассмотренными образцами, имеют аналогии с материалами Тамышского поселения (рис. 8, 1-4).

Чаша, орнаментированная горизонтальной линией зубчатого штампа (рис. 5, №535 – 25), известна на урартских поселениях, где такой тип чаш широко распространен. Датировка у них достаточно узкая и ограничена VIII в. до н.э. Известна подобная чаша и на Бамборском поселении, только без орнамента на тулове и на грунтовом могильнике Келермес в п. 49 на Северо-Западном Кавказе (Габелия, 2014, таб. XIII, 3; Галанина, 1989, с. 78, рис. 11, 2; Kroll, 1976, s. 118). Разница с чашами, появившимися в VII в. до н.э. и бытовавшими в ахеменидский период заключается в том, что последние не имеют выпуклых

боков, и венчик у них сильно выступает за относительно ровные стенки (Kroll, 1976, s. 120-121).

Двустовольная ручка кувшина (рис. 6, 2) характерна для колхидской культуры. На Северо-Западном Кавказе аналогичные находки известны из поселения Шушук, датированного радиоуглеродным методом XIII–XII вв. до н.э. (Эрлих, 2021, с. 32, 35, рис. 4-5). Вторую ручку сложно атрибутировать ввиду фрагментарности стенки сосуда, к которому она прикреплена (рис. 6, 1).

Сосуд с паркетным орнаментом и горизонтальной линией парных наколов (рис. 5, №1012 – 6/7) находит параллели в кизил-кобинской культуре. Подобная керамика, но с одним рядом наколов, известна на поселении Черная Речка и в могильнике Верхне-Юхарино в период V-УБ (2-я половина VIII – начало VII вв. до н.э.). Подобный орнамент нанесен на корчагу из погребения Клунниково к. 6 на Дону, отнесенного к предскифской эпохе (Кравченко, 2010, рис. 142, а, 3, б, 4, 196; Лукьяшко, 2012, с. 131, табл. СХСII, 6).

Два гальштатских черпака говорят нам о связях со лесостепным Поднепровьем. Оба тонкостенные, с плотным и качественно отмученным тестом с примесью слюды, черного цвета, залощенные до металлического блеска (рис. 5 №301 – 13, 27). Орнаментальный мотив состоит из простых свисающих вниз треугольников, заполненных косыми линиями и окаймленных зубчатым штампом, или простым штампом во втором случае, что говорит о жаботинских подражаниях басырабской орнаментальной традиции фракийского гальштата. Если в Карпато-Подунавском регионе при формировании мотива применялся только штамп, то жаботинская керамика формирует орнамент резной техникой с применением зубчатого штампа. Известна такая керамика в горизонтах Жаботин I-II, конец IX – VIII вв. до н.э. Подобная керамика хорошо известна и в Крыму, прежде всего на Симферопольском (рис. 21, 5-6) и Инкерманских поселениях, датируемых VIII–VII вв. до н.э., где, помимо лощеной, появляется еще и обычная лепная посуда, повторяющая этот орнаментальный мотив, сама керамика датируется в рамках периодов V-УБ и VI-УБ, или 2-й половина VIII – 1-й половиной VI вв. до н.э. (Дараган, 2011, с. 419, 424; Кравченко, 2010, рис. 146, 7, 10, 17, 147, 1, 172, 5; Крис, 1981, таб. 23, 6, 12; Сенаторов, 2001, рис. 8, 4, 29, 5). Скорее всего, к ним так же стоит отнести фрагменты керамики, известные по рисункам из отчета (рис. 6, 6, 8-10). Судя по морфологии и орнаменту, они

вполне могут относиться к жаботинской керамике.

Фрагменты стенок лепных сосудов с совмещенной пластичной и резной орнаментацией (рис. 5, №535 – 2, 3) имеют аналогии на поселениях Уч-Баш и Сахарная Головка в Крыму. Скорее всего, они являются фрагментами стенок корчаг, но их фрагментарность не позволяет говорить более уверенно. Хронологическая позиция крымских аналогий не ясна и может относиться к предантичным или античным периодам (Сенаторов, 2001, рис. 18, 6, 32, 1).

В публикации И.И. Аханова, готовившейся в 1954 г., есть зарисовка ёлочного орнамента, окаймленного горизонтальными линиями. Находки с таким орнаментом были фрагментарны, и поэтому им была сделана только зарисовка мотива (рис. 6, 11). Мы выше уже затрагивали этот тип орнамента, поэтому ограничимся аналогией с керамикой Бамборского поселения VIII–VII вв. до н.э. (рис. 8, 15-16) (Габелия, 2014, табл. XIV, 1-2).

По иным рисункам фрагментов керамики (рис. 6, 3, 5) сложно сказать что-то определенное.

К изделиям из камня относится терочный камень, одна поверхность которого имеет следы сработанности (рис. 5, №1012 – 14). Помимо этого экземпляра, были найдены фрагменты терочных камней в разных ямах, грузило из крупной гальки (рис. 6, 12) (определенное И.И. Ахановым как мотыга), каменная буса шайбовидной формы (рис. 5, №1012 – 20), пилка (рис. 6, 13) и множественные отщепы из коричневого кремня (стоит добавить, что в ближайшей округе выходов кремня нет). Аналогичные кремневые пилки являются частыми находками в кобанской культуре, относимые к X–VII вв. до н.э., а также в Центральной Колхиде, например, они известны в среднем и верхнем слоях поселения Ноахаму, которые сейчас датируются XI/X–VIII вв. до н.э. (Козенкова, 1982, с. 9, табл. V, 1-5; Куфтин, 1950, табл. 54).

В 1965 г. Восточно-Причерноморским отрядом ЛОИА АН под руководством И.Б. Брашинского проводились разведочные работы на территории г. Геленджик. При обследовании бухты им было указано об обнаружении «культурных остатков в северо-западной части бухты (...) У спуска к пляжу турлагеря «Трудовые резервы» в обрыве берега замечено две ямы (...). Около рыбозасолочного цеха была обнаружена еще одна яма (...). Начиная от территории дома отдыха «Голубая волна» (западнее ям исследованных

И.И. Ахановым), тянется мощный (в некоторых местах до 1,2 м) культурный слой (...), в слое значительное число обломков керамики, костей животных, обломки зернотерок, угли (...). Слой тянется до самого Тонкого мыса. (...) На границе между домом отдыха «Голубая волна» и международным молодежным лагерем обнаружено погребение (...). Глубина его от поверхности 1,60 м. Погребение разрушено морем. Из погребального инвентаря сохранились лишь бронзовое колечко и железный предмет неясного назначения в виде заостренного штыря со «штырем» на нижнем конце для вставки во втулку. Сколь-нибудь точной датировке погребение не поддается» (Брашинский, 1966, л. 4-5).

Таким образом, мы можем сказать, что стоянка датируется в рамках VIII–VII вв. до н.э., однако нижнюю границу следует оставить открытой, так как пока не до конца ясна хронология бытования двустольных ручек, да и пифосы могли появиться в более ранний период. Стоянка синхронна ранним приморским погребениям, совершенным в каменных ящиках, и, возможно, погребениям, которые были исследованы В.И. Сизовым. На Кавказе стоянка синхронна Бамборскому и верхнему горизонту Тамышского поселений колхидской культуры, заключительному этапу Лчашено-Мецаморской и «классическому» этапу кобанской культур. В VI в. до н.э. стоянка уже не существовала по причине отсутствия античного материала. В это время появляется поселение на Тонком мысу, расположенное западнее вдоль берега в 1,5 км (Онайко, 1980).

Сейчас набережная укреплена, но осмотр, произведенный авторами, показал, что на территории пансионатов «Солнечная» и «Голубая волна», примыкающих к интересующему нас участку набережной, имеются весьма значительные участки с зелеными насаждениями, которые не были затронуты какой-либо застройкой или коммуникациями. Памятник на государственной охране не стоит.

Итак, мы увидели, что керамическая традиция Южного Кавказа достаточно широко представлена на территории Северного Кавказа, где она, может, и не была прямым импортом, но вполне могла быть местным подражанием. Также нами были уточнены хронологические позиции некоторых памятников Северного Причерноморья,

имевших контакты с Кавказом, введена в научный оборот часть материалов и переосмыслена воссоединенная коллекция Геленджикской стоянки. Авторы попытались представить общую картину связей Кавказа и Северного Причерноморья, которые, несомненно, носили долгий и системный характер, и где рассмотренные нами памятники являются лишь эпизодами этих связей, хотя и достаточно яркими. Конечно, тема взаимосвязи Северного Причерноморья с Кавказом весьма обширна и не ограничивается только теми типами и орнаментальными мотивами керамики, которые мы рассмотрели. Она значительно шире и в области погребальных традиций, и каменного домостроительства, мы лишь попытались представить общую систему этих связей, для чего нам пришлось охватить значительные географические пространства и хронологические периоды.

Таблица 1.

Результаты определений остатков животных из раскопок неолитической стоянки, произведенных И. Ахановым на берегу Геленджикской бухты / Краснодарский край⁴.

Домашние		Дикие	
Крупный рогатый скот (Bos taurus)	396	Кабан (Sus scrofa ferus)	2
Мелкий рогатый скот (Ovis aries, Capra hircus)	106	Олень (Cervus elaphus)	6
	55	Рысь (Felis lynx)	2
Свинья домашняя (Sus scrofa domestica)	2	Заяц (Lepus europaeus)	1
Лошадь (Equus caballus)		Дельфин (Delphinidae)	262
дикая? домашняя?		Рыба (Fiscea)	1
		Сухопут. -виногр. улитка (Helix (...))	1
		Морские моллюски (родов: Donax, Cardium, Mytilus, Venus)	16

9.II.1951.

Старш. науч. сотрудник ЗИН АН СССР
М.К. Верещагин

⁴ По Аханов, 1958, л. 4. Остеологический материал из раскопок 1949-50х гг. был разобран по ямам, мы же в

таблице приводим итоговые данные. Кроме того, указывалось, что многие кости были погрызены собаками или шакалами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аханов И.И., 1954. Энеолитическая стоянка в Геленджике. Статья Аханова И. для ИИМК №60 // ГKM. Ф. 2. Д. 2.
- Аханов И.И., 1958. Описание материалов // ГKM. Ф. 2. Д. 1.
- Аханов И.И., 1961а. Геленджикские подкурганные дольмены // СА. №1. М. С. 139-150.
- Аханов И.И., 1961б. Древняя стоянка в Геленджике // СА. №3. М. С. 276-280.
- Березанская С.С., Отрошенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н., 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – Киев. 168 с.
- Братченко С.Н., 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. – Киев. 252 с.
- Братченко С.Н., Шарафутдинова Э.С., 1996. Ливенцовский могильник I // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1996 г. Вып. 16. – Азов. С. 160-215.
- Братченко С.Н., 2006. Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Материалы та дослідження з археології Східної України. Збірник наукових праць (за ред. С.М. Санжарова). Випуск 6. – Луганськ. С. 32-311.
- Брашинский И.Б., 1966. Отчет о работе Восточно-Причерноморского отряда Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в 1965 году // ГKM. Ф. 2. Д. 13.
- Габелия А.Н., 2014. Абхазия в предантичную и античную эпохи. – Сухум. 505 с.
- Гаджиев М.Г., 1969. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). – Махачкала. 178 с.
- Галанина Л.К., 1989. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов / под ред. Н.В. Анфимова. – Майкоп. С. 74-103.
- Гершкович Я.П., 1997. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса // Археологический альманах. №6. – Донецк. С. 125-144.
- Григорьев С.А., 2022. Роговые и костяные псалии Евразии начала позднего бронзового века // Уфимский археологический вестник. Т. 22. № 1. С. 162-177
- Гуммель Я.И., 1940. Археологические очерки. АзФАН. – Баку. 166 с.
- Дараган М.Н., 2011. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. – . 842 с.
- Джопуа А.И., 2009. Центральная Абхазия в I тысячелетии до н.э. по археологическим памятникам села Эшера (Абхазия). – М. 398 с.
- Енгибарян Н., 2019. Змеиный орнамент на керамике эпохи бронзы и железа Армении: II тысячелетие – I тысячелетие до н.э. // Вишп на стыке сказки и реальности. – Ереван. С. 282-288. (на арм. яз.).
- Каминская И.В., Шарафутдинова Э.С., 1999. Жилой комплекс Гамовская Балка – новый памятник средней бронзы на Северо-Западном Кавказе // Археологические вести. №6. СПб. С. 86-101.
- Кашуба М.Т., 2022. Ареал каменных топоров бородинской группы в Восточной Европе // Записки ИИМК РАН. №27. – СПб. С. 117-128.
- Кислый А.Е., 2003-2004. Население и памятники каменной культуры восточного Крыма // Stratum plus. №2. – Кишинев. С. 93-126.
- Козенкова В.И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. Вып. В2-5. М. 177 с.
- Козенкова В.И., 1989а. Большой Кавказ в XIV-IV вв. до н.э. (кобанская культура: модель тысячелетия развития): автореф... дис. докт. ист. наук. – М. 52 с.
- Козенкова В.И., 1989б. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. Вып. В2-6. – М. 196 с.
- Козенкова В.И., 2013. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнотипных инфильтраций в местной среде). – М. 252 с.
- Колотухин В.А., 1983. Многослойное поселение в Юго-Восточном Крыму // СА. №1. М. С. 277-282.
- Кравченко Е., 2010. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. – Киев. 276 с.
- Кривцова-Гракова О.А., 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. №46. М. 167 с.
- Крис Х.И., 1981. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. Вып. Д1-7. 128 с.
- Круглов А.П., 1958. Северо-Восточный Кавказ во II – I тысячелетиях до н.э. // Древние племена и народности Кавказа / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. МИА. №68. – М. С. 7-147.
- Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М. 463 с.
- Куфтин Б.А., 1950. Материалы к археологии Колхиды. Т. 2. – Тбилиси. 332 с.
- Кушнарева К. Х., Марковин В. И., 1994. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа // Археология СССР. – М. 392 с.
- Ларенок О.П., 2023. Относительная хронология Ливенцовско-Каратаевских крепостей: от северокавказских истоков до военного столкновения // Самарский научный вестник. Т. 12. №1. – Самара. С. 153-156.
- Литвиненко Р.О., 2009. Генеза, розвиток та історична доля культурного кола Бабине // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Збірник наукових праць (за ред. С.М. Санжарова). Випуск 9. – Луганськ. С. 44-91.
- Лукьяшко С.И., 2012. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время (IX-IV вв. до н.э.). – Ростов-на-Дону. 802 с.
- Лысенко С.Д., 2011. К вопросу о культурно-хронологической и функциональной принадлежности костяных «пряжек» в Среднем Поднепровье // КСИА. Вып. 225. – М. 123-144.
- Магомедов Р.Г., 1998. Гинчинская культура. Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы. ДНЦ РАН. – Махачкала. 378 с.
- Малышев А.А., 2011. Погребальный обряд и планиграфия некрополя в Широкой Балке // Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке / отв. ред. А.А. Малышев. Некрополи Черноморья. Т. IV. – М. С. 242-303.

- Марковин В.И., 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. №93. – М. 152 с.
- Марковин В.И., 1969. Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорчоевская культура. – М. 116 с.
- Медведская И.Н., 2018. Урартская керамика VIII–VII вв. до н.э. и вопрос урартского присутствия в Приурмийском районе Ирана в VII в. до н.э. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 95 – СПб. С. 196–213.
- Микеладзе Т.К., 1982. Основные результаты полевых исследований Колхидской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1980 (Краткие сообщения). – Тбилиси. С. 31–35.
- Мимоход Р.А., 2009. Радиоуглеродная хронология посткатакомбных образований Предкавказья // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар, 2009. С. 253–257.
- Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. – М., 2013. 568 с.
- Мимоход Р.А., 2022а. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. Т. 2. – М. 305 с.
- Мимоход Р.А., 2022б. Культуры и культурогенез на востоке посткатакомбного мира. (Приложения). Т. 3. – М. 464 с.
- Мошинский А.П., 2019. Керамический комплекс с кобанского поселения Сауар в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности // КСИА. Вып. 255. С. 153–169.
- Николаева Н.А., 2011. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н.э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. МГОУ. – М. 536 с.
- Новичихин А.М., 2010. Планиграфия и погребальный обряд могильника у хутора Рассвет // Наследие архаической синдики (по материалам некрополя у хутора Рассвет) / под ред. А.А. Малышева. Некрополи Черноморья. Т. III. – М. С. 192–204.
- Онайко Н.А., 1980. Архаический Торик – Античный город на северо-востоке Понта. – М. 179 с.
- Пелих А.Л., 2003. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки и его место в системе межкультурных связей эпохи поздней бронзы Кавказа и Юго-Восточной Европы. – Армавир. 323 с.
- Погребова М.Н., 2011. История Восточного Закавказья: вторая половина II – начало I тыс. до н.э.: (по археологическим данным). – М. 422 с.
- Потапов В.В., 2010. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья. – М. 361 с.
- Рыбалова В.Д., 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. №16. – Л. С. 19–50.
- Савва Е.Н., 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). – Кишинев. 225 с.
- Санжаров С.Н., 2010. Восточная Украина на рубеже эпох средней – поздней бронзы. ВНУ. – Луганск. 488 с.
- Сенаторов С.Н., 2001. Лепная керамика кизил-кобинской культуры (типология и хронология). – СПб. 480 с.
- Сизов В.И., 1889. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. II. – М. 183 с.
- Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. – М. 240 с.
- Тоцев Г.Н., 2007. Крым в эпоху бронзы. ЗНУ. – Запорожье. 304 с.
- Трифонов В.А., 1991. Батуринский вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. – Киев. С. 101–116.
- Тушишвили Н., Амиранашвили Дж., 1980. Результаты работ Алгетской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1977 (Краткие сообщения). – Тбилиси. С. 118–125.
- Формозов А.А., 2008. О Борисе Сергеевиче Жукове (материалы к биографии) // Формозов А.А. Статьи разных лет. ГОУ ВПО КГМУ. – Курск. С. 71–84.
- Черниенко Ю.А., 2014. Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы // *Stratum plus*. №2. – Кишинев. С. 15–112.
- Шаншишвили Н., Нариманишвили Г., Нариманишвили Г., 2016. Торговля и торговые пути между Южным Кавказом и Ближним Востоком. Национальный Музей Грузии. – Тбилиси. 282 с.
- Шарафутдинова И.Н., 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – Киев. 160 с.
- Шарафутдинова Э.С., 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. Вып. В1–11. Л. 128 с.
- Щеглов Д.Е., 1958. Геленджикская неолитическая стоянка, материалы раскопок 1949–1950 гг. К истории раскопок геленджикской неолитической стоянки // ГKM. Ф. 2. Д. 1.
- Эрлих В.Р., 2005. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). – М. 718 с.
- Эрлих В.Р., 2021. Закавказские и протокобанские связи постдольменного поселения Шушук (Северо-Западный Кавказ) // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти доктора исторических наук В. И. Козенковой: сборник статей / под ред. А. А. Малышева, А. Ю. Скакова. – М. С. 29–44.
- Akkermans P.M.M.G., 1988. The period IV pottery // Hammam et-Turkman. Ed. by M.N. Van Loon. Nederlands Historisch-Archeologisch Instituut. – Te Istanbul. P. 181–285.
- Avetisyan H., Avetisyan P., Bobokhyan A., Navasardian K., Ghuni A., 2019. Notes on Urartian period pottery traditions in Armenia // *Armenological Issues* №1 (16) – Yerevan. P. 84–102.
- Avetisyan P., Bobokhyan A., 2008. The pottery traditions of the Armenian Middle to Late Bronze Age «transition» in the context of Bronze and Iron Age periodization // *Ceramics in Transitions Chalcolithic Through Iron Age in the Highlands of the Southern Caucasus and Anatolia*. Ed. by K.S. Rubinsos and A. Sagona. Ancient Near Eastern Studies. Supplement 27. – Peeters; Leuven; Paris; Dudley, MA. P. 123–185.
- Avetisyan P., 2009. On Periodization and Chronology of the Iron Age of Armenia // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 2. Issues 2. – Yerevan. P. 55–

76.

Avetisyan P., Bobokhyan A., 2012. Archaeology of Armenia in regional context: achievements and perspectives // *Archaeology of Armenia in regional context*. National Academy of Sciences of Republic of Armenia Institute of Archaeology and Ethnography – Gitutyun, Yerevan. P. 7-22.

Avetisyan P., 2017. On the issues of chronology and periodization of the Armenian Middle Bronze Age archaeological cultures // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. XI. Issues 1-2. – Yerevan; Oxford. P. 57-88.

Badaljan R.S., Edens C., Kohl F.L., Tonikjan A.V., 1992. Archaeological Investigations at Horom in the Shirak Plain of Northwestern Armenia (1990) // *Journal of the British Institute of Persian Studies*. Iran. Vol. 30. №1. P. 31-48.

Badalyan R., Avetisyan P., 2007. Bronze and Early Iron Age Archaeological Sites in Armenia I: Mt. Aragats and its Surrounding Region. BAR IS 1697. – Oxford. 319 p.

Badalyan R., Smith A.T., Lindsay I., Khatchadourian L. and Avetisyan P., 2008. Village, fortress, and town in Bronze and Iron Age Southern Caucasus: A preliminary report on the 2003–2006 investigations of Project ArAGATS on the Tsaghkahovit Plain, Republic of Armenia. // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Deutsches Archäologisches Institut V.40. – Berlin. S. 45-105.

Brodbeck-Jucker S., Kunze R., 2023. Work- and Lifescapes in 1st Millennium BC Udabno // *On the Shoulders of Prometheus: International Collaboration and the Archaeology of Georgia*. Ed. by E.E. Intagliata and P. Everill. P. 59-84.

Casana J., Goodman D.D. & Ferwerda C., 2023. A wall or a road? A remote sensing-based investigation of fortifications on Rome's eastern frontier // *Antiquity*. Vol. 97. Issue 396. Published by Cambridge University Press. P. 1516-1533.

Danti M., 2013. The Late Bronze and Early Iron Age in Northwestern Iran // *The Oxford Handbook of Ancient Iran*. Ed. by D.T. Potts. Oxford University Press. – Oxford; New York. P. 327-376.

Engibaryan N., Bobokhyan A., Kunze R., 2013. Ausgrabungen in Karchaghbyur, Provinz Gegharkunik // *Veröffentlichungen des landesamtes für Denkmalpflege und archäologie Sachsen*. – Anhalt. Archäologie in Armenien II. Band 67. – P. 109-163.

Gamkrelidze G., 2021. Archeology of Georgia (5th century BC - 5th century AD). *Journal IBERIA-COLCHIS*. Supplement I. – Tbilisi. 685 p. (на груз. яз.).

Ghadim F.İ., 2011. Jafar Abad VIII. Kurgan Kazıları, Kuzeybatı İran // *Karadeniz'den Fırat'a Bilgi Üretimi, Önder Bilgi'ye Armağan Yazıları*. Eds. A.Öztan, Ş.Dönmez. – Ankara. S. 119-216.

Greene A.F., 2012. Where pottery and politics meet: mundane objects and complex political life in the Late Bronze Age South Caucasus // *The Archaeology of Power and Politics in Eurasia: Regimes and Revolutions*. Ed. by

C.W. Hartley, G.B. Yaziciolu, A.T. Smith. – Cambridge University Press. – P. 302-322.

Khatchadourian L., 2011. The Iron Age in Eastern Anatolia // *The Oxford Handbook of Ancient Anatolia: (10,000-323 BCE)*. Ed. by G. McMahon, S. Steadman. Oxford University Press. – Oxford; New York. P. 464-499.

Khatchadourian L., 2018. Pottery Typology and Craft Learning in the Near Eastern Highlands // *Iranica Antiqua*. Vol. LIII. P. 179-265.

Kroll St., 1976. Keramik urartäischer Festungen in Iran - Ein Beitrag zur Expansion Urartus in Iranisch-Azarbaidjan. *Archäologische Mitteilungen aus Iran Erg. Bd. 2*. – Berlin. 184 s.

Lamberg-Karlovsky C.C., Potts D. T., Pittman H. and Kohl P.L., 2001. Excavations at Tepe Yahya, Iran 1967-1975: The Third Millennium. *American School of Prehistoric Research. Bulletin 45*. – Harvard University; Cambridge; Massachusetts. 340 p.

Matthews R., Nashli H.F. and Richardson A., 2022. The Archaeology of Iran from the Palaeolithic to the Achaemenid Empire. – London; New York, p. 652.

Muscarella O.W., 1988. Bronze and Iron: Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. – New York. 501 p.

Narimanishvili G., 2010. Trialeti in the 15th and 14th centuries BC // *Rescue Archaeology in Georgia: Baku-Tbilisi-Ceyhan South Caucasian Pipelines*. Georgian National Museum. – Tbilisi. P. 308-366.

Overlaet B., 2003. The Early Iron Age in the Pusht-i Kuh, Luristan. *Luristan Excavation Documents*. Vol. IV. – Peeters. 668 p.

Puturidze M., 2016. Some Evidences for the South Caucasian – Aegean World Relationship // *Aegean World and South Caucasus: Cultural Relations in the Bronze Age*. International Workshop. – Tbilisi. P. 139-163.

Reinhold S., Belinskij A.B., Korobov D.S., Fassbinder J.W.E., Borisov A.V., und Peters S. 2007. Landschaftsarchäologie im Nordkaukasus: Erste Ergebnisse der Untersuchung der Vorgebirgslandschaft bei Kislovodsk während der Spätbronze- und frühen Eisenzeit // *Eurasia Antiqua*. Band 13. – P. 139-180.

Rezalo R., Alizadeh sola M., Kazempour M., 2015. Study of Iron Age Burials Ceramics at Khanghah Gilvan Cemetery in Northwestern Iran // *The International Journal of Humanities Winter*. Vol. 22 (1). – P. 131-150.

Shanshashvili N., Narimanishvili G., 2016. Dynamics and Nature of the Relations Between South Caucasus and Aegean World in the Bronze Age // *Aegean World and South Caucasus: Cultural Relations in the Bronze Age*. International Workshop. – Tbilisi. P. 11-49.

Yengibaryan N., 2019. Middle Iron Age tombs from Noratus (Sevan region, Armenia) // *ARAMAZD Armenian Journal of Near Eastern Studies*. Vol. 13 Issues 1. – Yerevan. P. 1-44.

Рис. 1. Карта расположения памятников иллюстрации материалов которых приведены в статье. 1- Геленджикская, 2 - Дивноморское, 3 - Бамборское, 4 - Верещагина, 5- Тамышское, 6 - Ноахаму, 7 - Сафар-Хараба, 8 - Хором, 9 - Артик, 10 - Гехарот, 11 - Гехарот, 12 - Мастара, 13 - Цахкаовит, 14 - Талин, 15 - Цахкалани, 16 - Саснашен, 17 - Аргиштихинили, 18 - Газанотс, 19 - Ханлар, 20 - Картахбур, 21 - Ганджачая, 22 - Джафар Абад, 23 - Кордлар, 24 - Тли, 25 - Маджалис, 26 - Харачой, 27 - Берикей, 28 - Манас, 29 - Тарки, 30 - Каякент, 31 - Гинчи, 32 - Гатын-Кале, 33 - Нестеровский, 34 - Аманкол, 35 - Хабазское, 36 - Клинярское, 37 - пос. у Кисловодска, 38 - Былым, 39 - Этокское, 40 - пос. у Железноводска, 41 - Гамовская Балка, 42 - Анапская I, 43 - Каменка, 44 - Ливенцовско-Каратаевская, 45 - Нижнегниловское, 46 - Симферопольское, 47 - Бамбур.

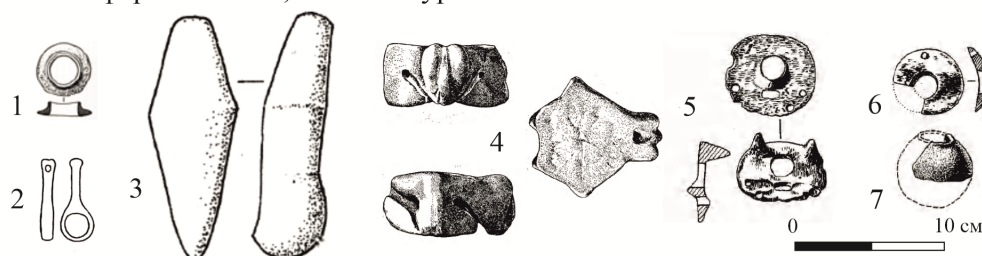

Рис. 2. Ливенцовско-Каратаевская крепость: 1 - костяное изделие из каратаевского участка (по Мимоход, 2022б); 2 - костяное изделие из п. 6; 3 - топор (по Братченко, 2006). Каменка: 4 - скульптурное изображение лягушки; 5 - роговой псалтий; 6 - костяное изделие; 7 - булава (по Рыбалова, 1974). 1-2, 4-6 - кость, 3, 7 - камень.

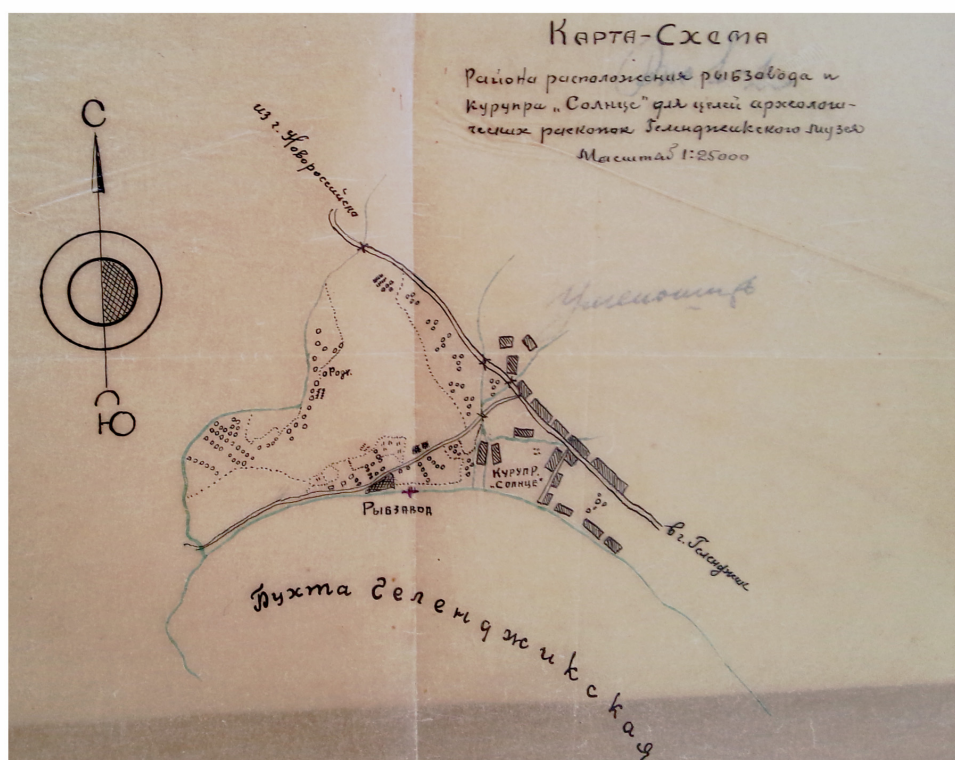

Рис. 3. Карта расположения стоянки на плане г. Геленджик (по Аханов, 1958, 2-1/1).

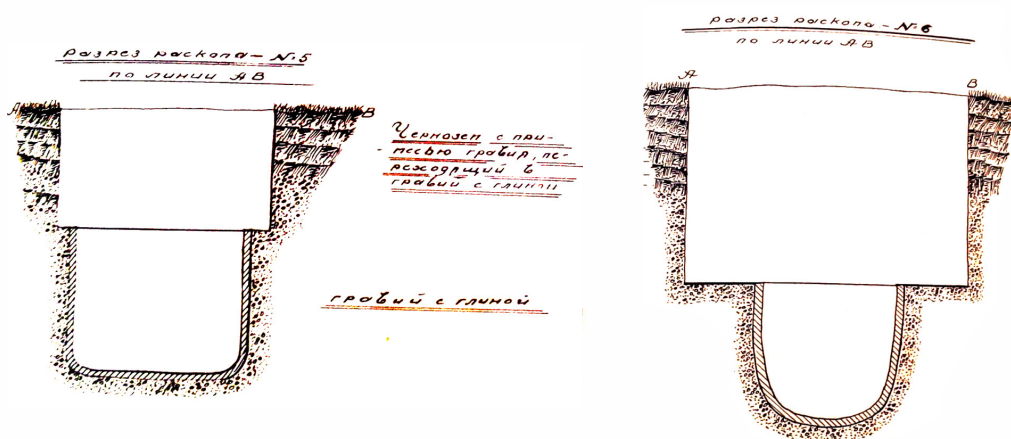

Рис. 4. Профили хозяйственных ям №№5-6 (по Аханов, 1958, 2-1/12).

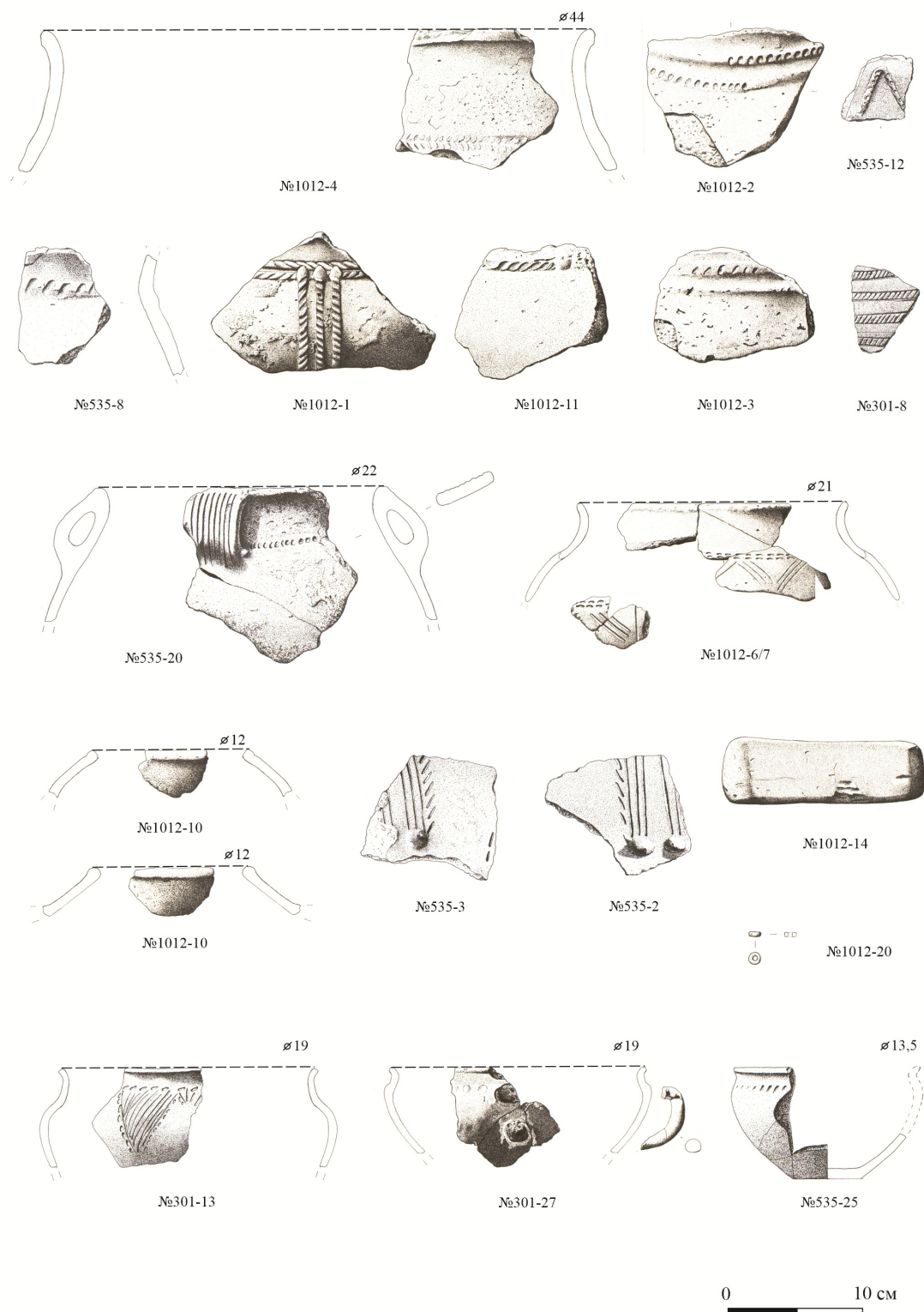

Рис. 5. Материалы Геленджикской стоянки из фондов ГИКМ. №№ 301 - 8, 13, 27; 535 - 2, 3, 8, 12, 20, 25; 1012 - 1-4, 6-7, 10-11, 14, 20. №№ 301, 535 и 1012 - 1-4, 6-7, 10-11 - глина, 1012 - 14, 20 - камень.

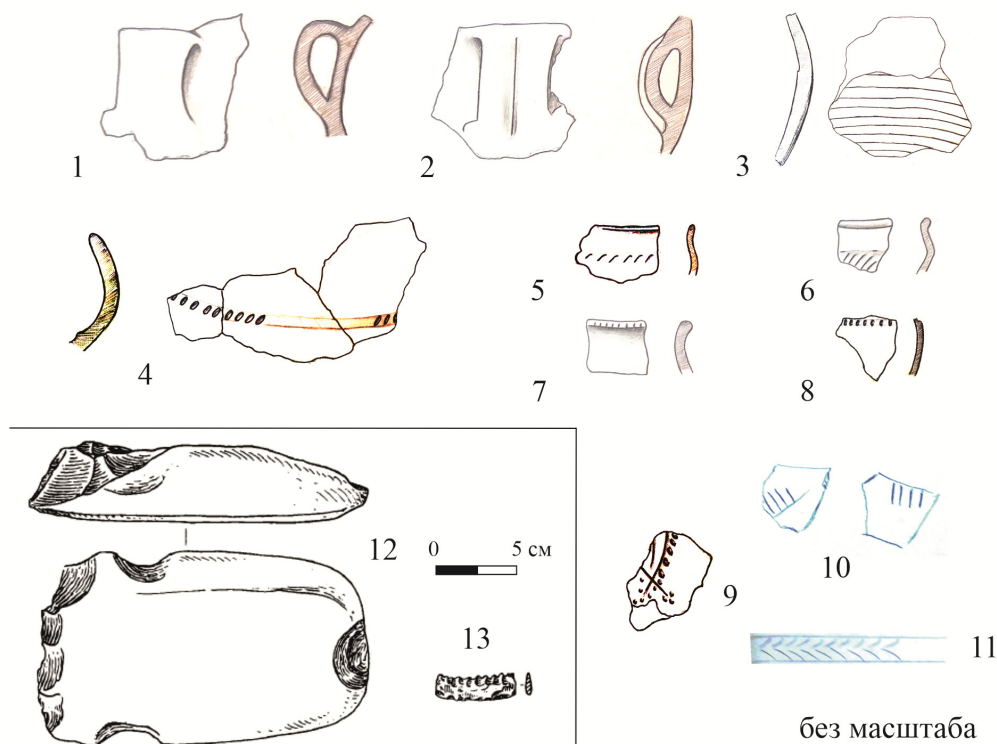

Рис. 6. Рисунки материалов Геленджикской стоянки из отчета И.И. Аханова. 1 - табл. IX, л. 7; 2 - табл. VIII, л. 6; 3 - табл. V, л. 4; 4 - табл. III, л. 2; 5-7 - табл. VII, л. 5; 8-9 - табл. IV, л. 3. (по Аханов, 1958, 2-1/14); 10-11 - орнаменты лепных сосудов, (по Аханов, 1958, 2-1/15); 12 - каменное грузило; 13 - кремневая пилка, (по Аханов, 1961б). 1-11 - глина, 12 - галька, 13 - кремень.

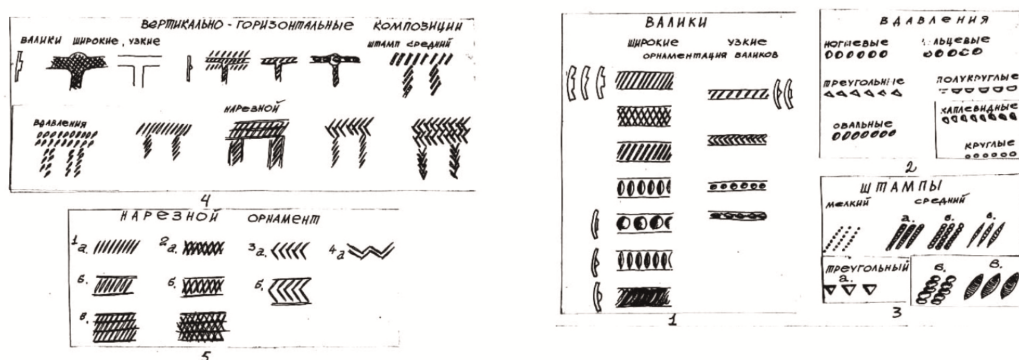

Рис. 7. Орнаментальная техника и композиции Тамышского поселения (по Габелия, 2014).

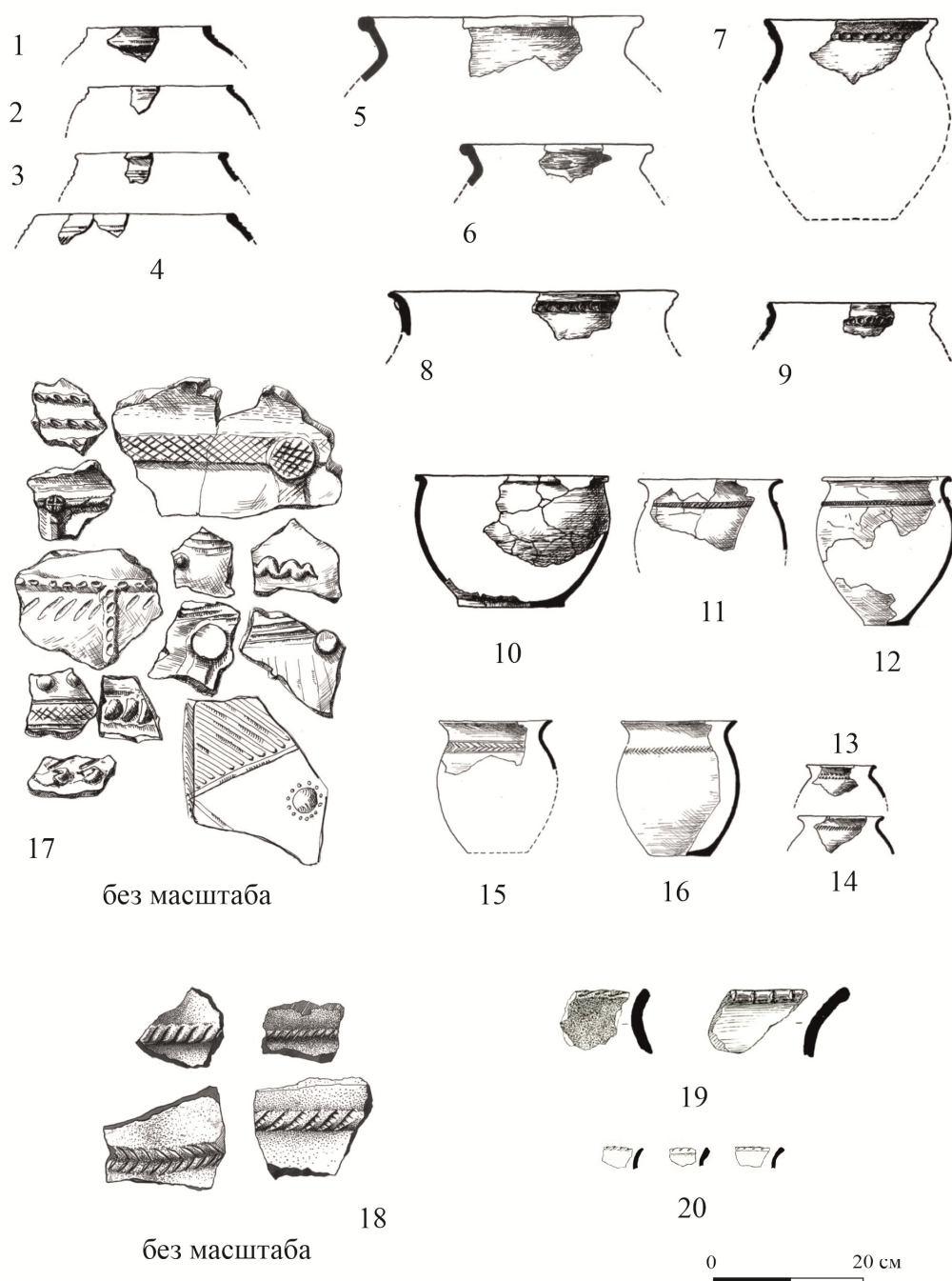

Рис. 8. Керамика Северной Колхиды. Тамышское поселение: 1-4 - шаровидные сосуд, 11-14 - горшки; Бамборское поселение: 5-6 - раструбные сосуды, 7-9 - сосуды с валиком, 10, 15-16 - горшки, 17-18 - фрагменты орнаментированных стенок (по Габелия, 2014); 19 - венчики пифосов, 20 - венчики горшков доантичного периода из поселения на холме Верецагина (по Джопуа, 2009). 1-20 - глина.

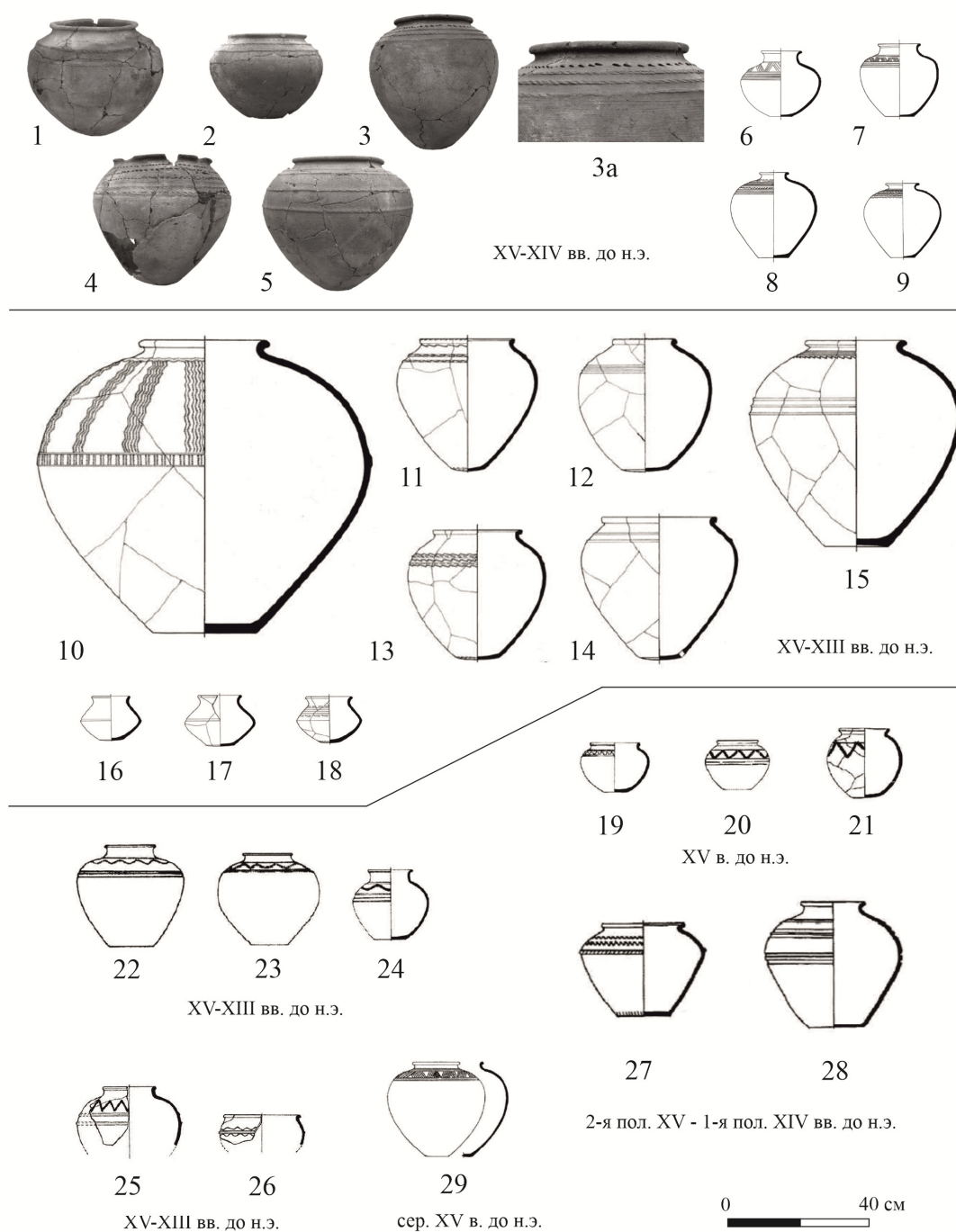

Рис. 9. Керамика Южного Кавказа периода ЛБА. Сафар-Хараба: 1- п. 69, 2 - п. 94, 3, 3а - п. 116, 4- п. 120, 5 - п. 107, 6 - п. 2, 7 - п. 11, 8 - п. 17, 9 - п. 10 (по Narimanishvili, 2010); 10-18 - Гехарот (по Badalyan et al., 2008); Цахкалани: 19 - п. 23, 20 - п. 12, 21 - п. 18; 22-24 - Талин п. 8; 25-26 - Гехарот п. 1; 27-28 - к. Саснашен; 29 - Газанотс п. 3 (по Badalyan, Avetisyan, 2007). 1-29 - глина.

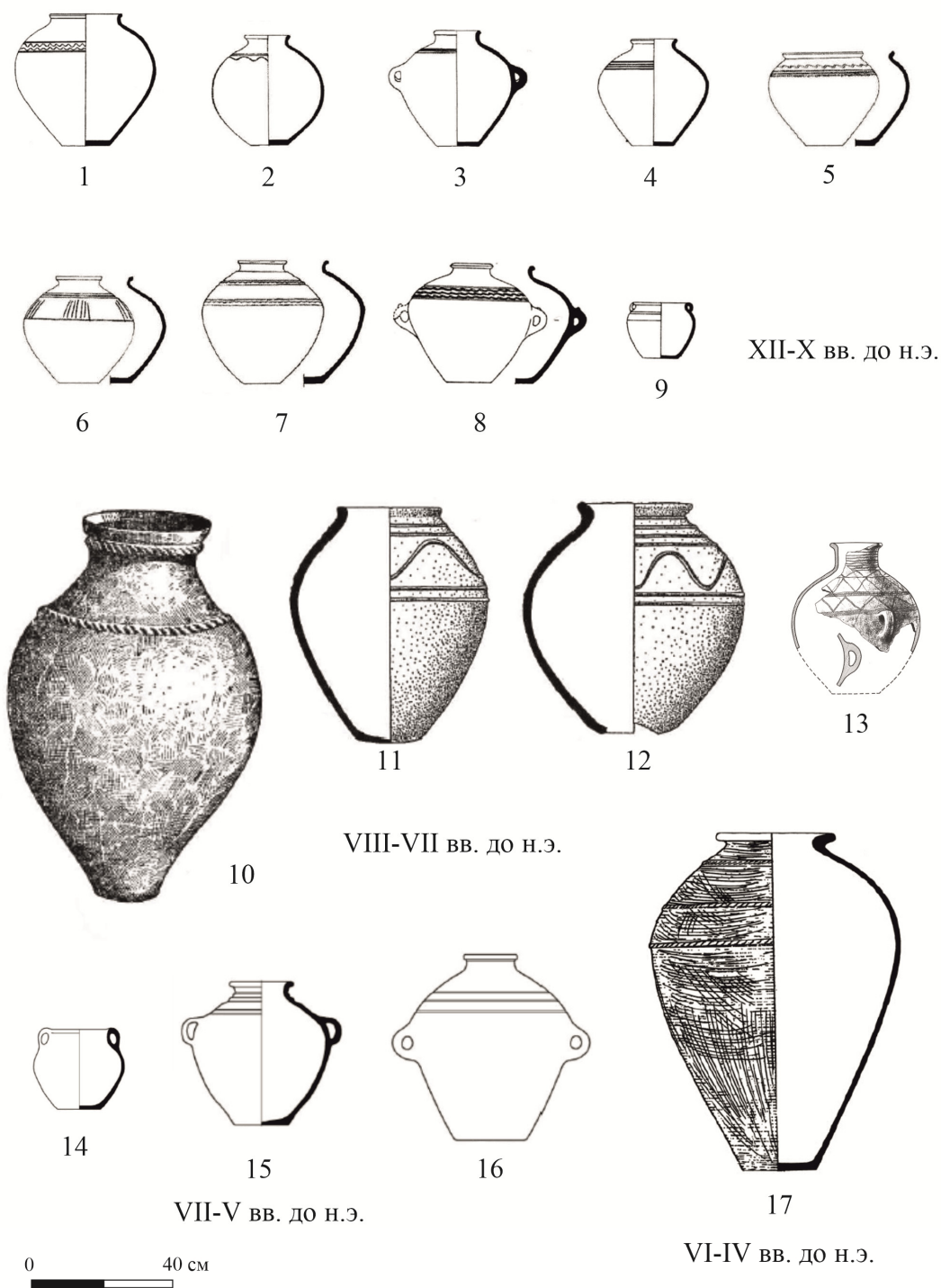

Рис. 10. Керамика Южного Кавказа EIA-MIA и ахеменидского периодов. Мастара: 1-2 - п. 24, 3-4 - п. 5, 5-6 - п. 17, 7 - п. 9; Талин: 8 - п. 18 (по Badalyan, Avetisyan, 2007); 9 - Талин п. 14 (по Avetisyan, 2009); 10 - Аргиштихинили; 11-12 - Кордлар (по Медведская, 2018); 13 - Бамборское (по Габелия, 2014); 14-16 - Иберия (по Gamkrelidze, 2021); 17 - Цахкаовит (по Khatchadourian, 2018). 1-17 - глина.

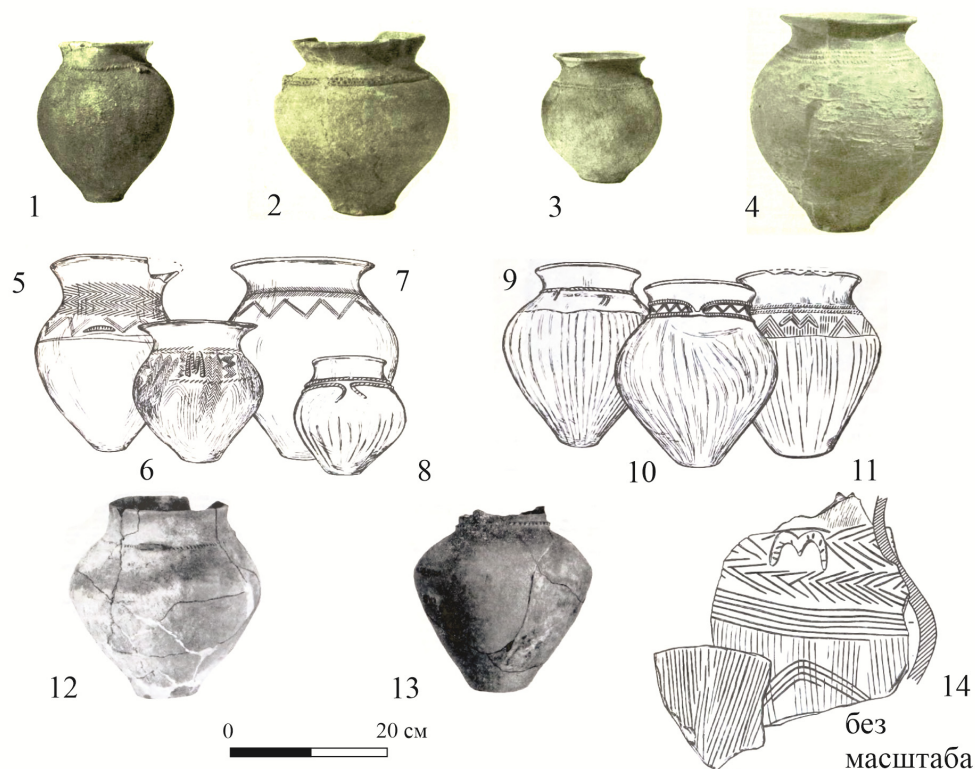

Рис. 11. Керамика Северо-Восточного Кавказа XV-XIII вв. до н.э. Харачой: 1 - п. 50, 2 - п. 49, 3 - п. 38, 8 - п. 29, 12 - ящик 1; 4 - Маджалис п. 1; Каякент: 5 - п. 4, 6 - п. 23; 7 - Берикей п. 3; 9 - каменный ящик у с. Тарки; 10 - случайная находка в г. Махачкала; 11, 14 - Манас к. 2 п. 4; 13 - находка у с. Согунты. 1-4 (по Круглов, 1958), 5-14 (по Марковин, 1969). 1-14 - глина.

Рис. 12. Материалы комплексов. Ганжачая ж. 58: 1 - костяное изделие, 2 - браслет, 3 - пуговица (по Гуммель, 1940); 4 - костяное изделие Ливенцовско-Каратаевская крепость (по Братченко, 2006); Гатын-Кале п. 7: 5 - булавка, 6 - костяное изделие, 7 - медальон, 8 - кинжал (по Марковин, 1960); 9 - костяное изделие, Джафар Абад к. 8 (по Ghadim, 2011); Гинчи склеп №2, 2-й ярус: 10 - костяное изделие, 11 - булавка, 12 - стрела, 13-16 - керамика (по Гаджиев, 1969); 17 - костяное изделие, Ханлар п. 18 (по Гуммель, 1940). 1, 4, 6, 9, 10, 12, 17 - кость, 2-3, 5, 7-8, 11 - бронза, 13-16 - глина. Масштаб: а - для кости и бронзы, б - для керамики.

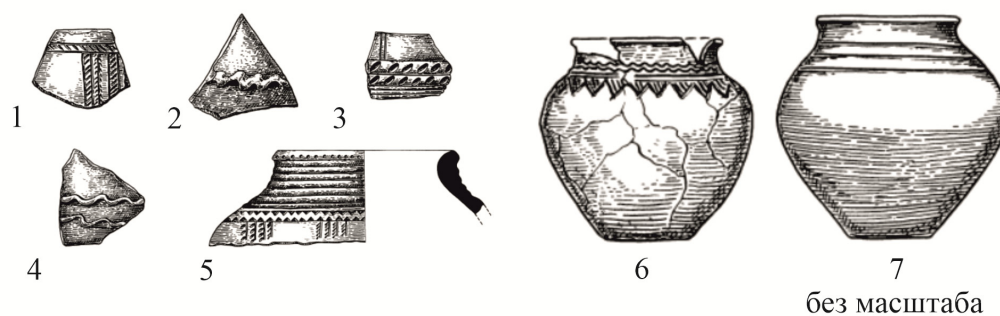

Рис. 13. Керамика кобанской культуры. 1 - Хабазское; 2-3 - Клинярское; 4 - пос. у Кисловодска; 5 - Этокское 1; 6 - Былым; 7 - Аманкол (по Козенкова, 1989). 1-7 - глина.

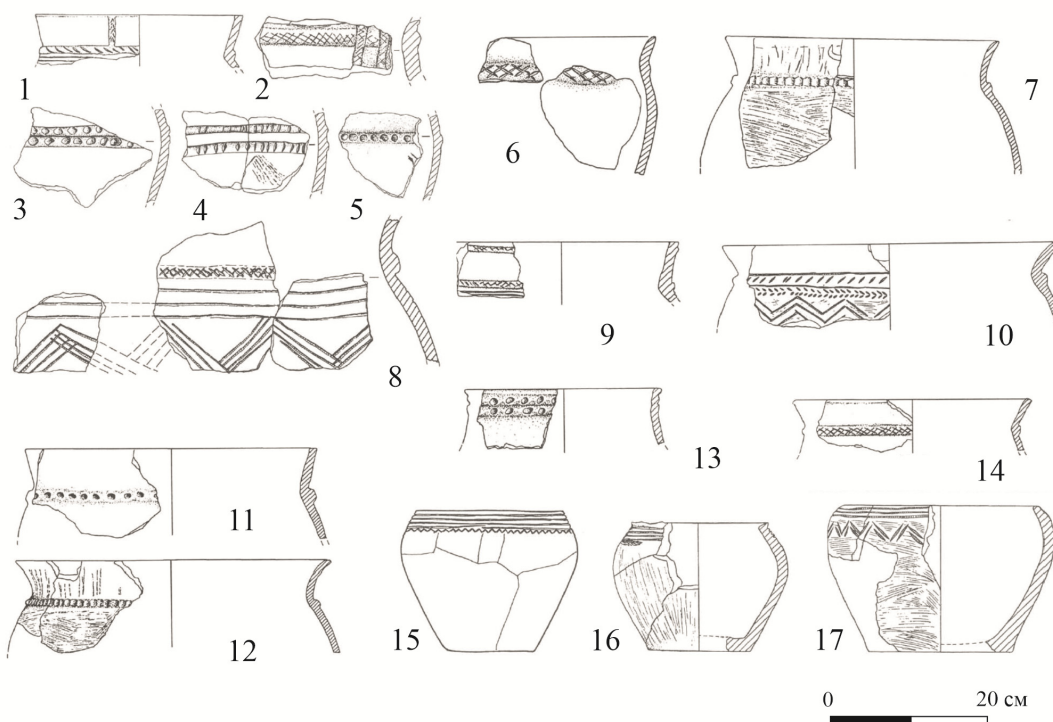

Рис. 14. Керамический материал Гамовской Балки. 1-12 - сосуды с валиковой и штампованной орнаментацией, 13-17 - сосуды с «рифленой» орнаментацией (по Каминская, Шарафутдинова, 1999). 1-17 - глина.

Рис. 15. Сосуды из могильника Анапская I. 1 - к. 10 п. 8; 2 - к. 9 п. 2; 3 - к. 7 п. 13 (по Трифонов, 1991). 1-3 - глина.

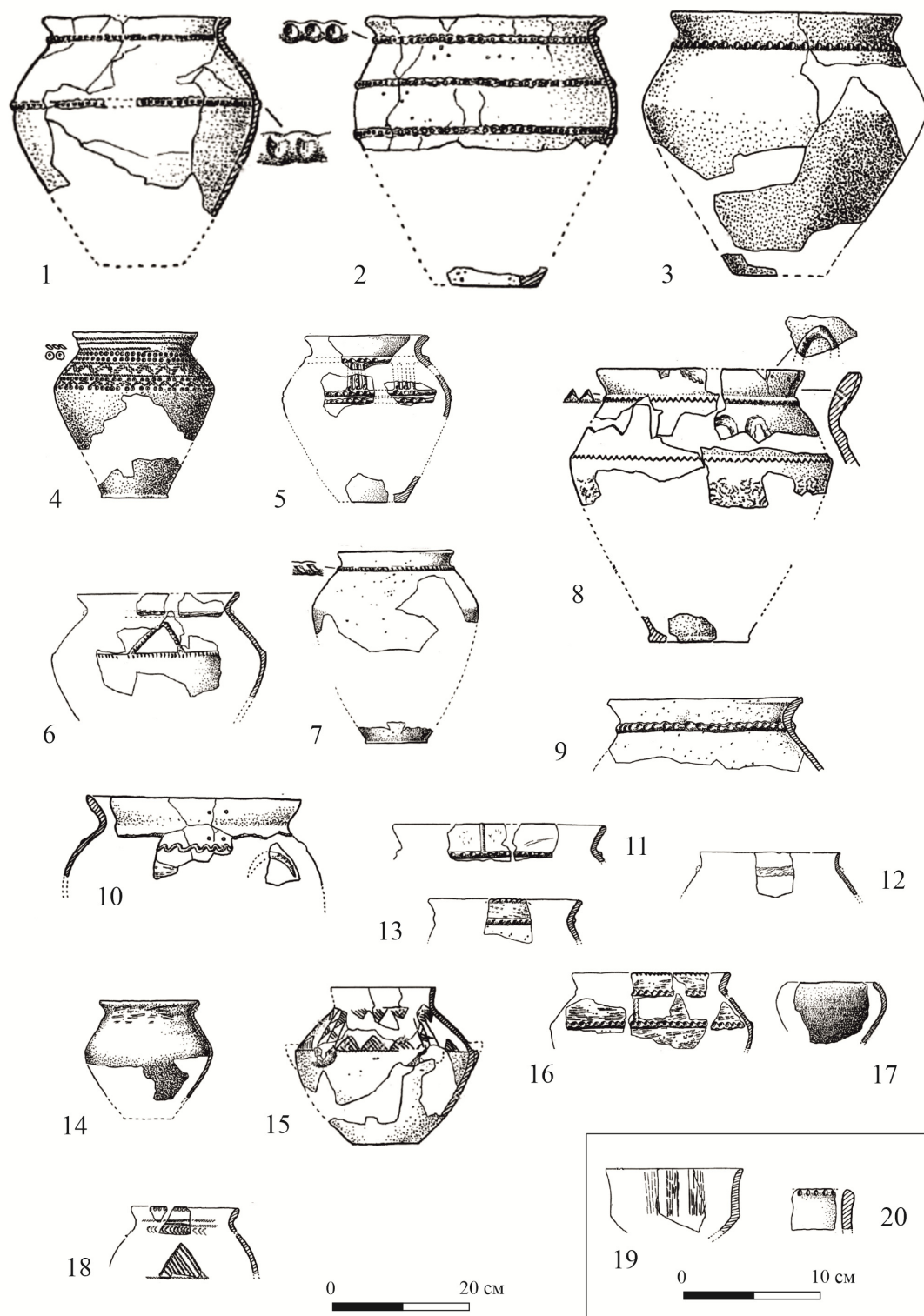

Рис. 16. Керамика Ливенцовско-Каратаевской крепости. Сооружение 4: 1-2, 9, 19; сооружение 1 - 3-4, 12-14, 20; сооружение 5 - 5, 15, 18; сооружение 6 - 6-7, 11, 17; сооружение 8 - 8, 10; сооружение 7 - 16 (по Братченко. 2006). 1-20 - глина.

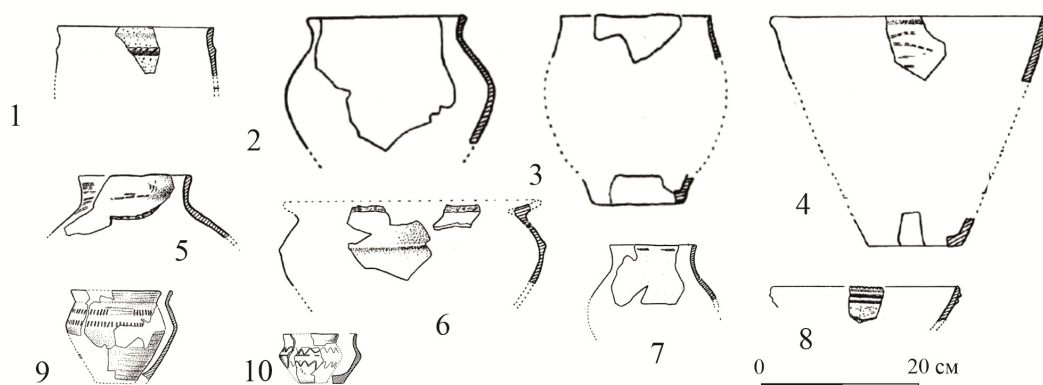

Рис. 17. Керамика Ливенцовско-Каратаевской крепости. Сооружение 1 - 1, 4; сооружение 5 - 2, 7, 9; сооружение 7 - 3; сооружение 6 - 5, 8; сооружение 2 - 6; сооружение 4 - 10 (по Братченко, 2006). 1-10 - глина.

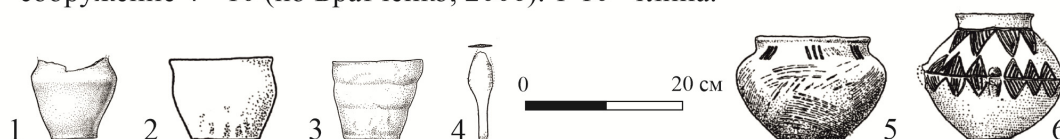

Рис. 18. Материалы погребений Ливенцовско-Каратаевской крепости. 1 - п. 3; 2 - п. 13; 3 - п. 10; 4 - п. 9; 5-6 - к. 11 п. 22 (по Братченко, 2006). 1-3, 5-6 - глина 4 - бронза.

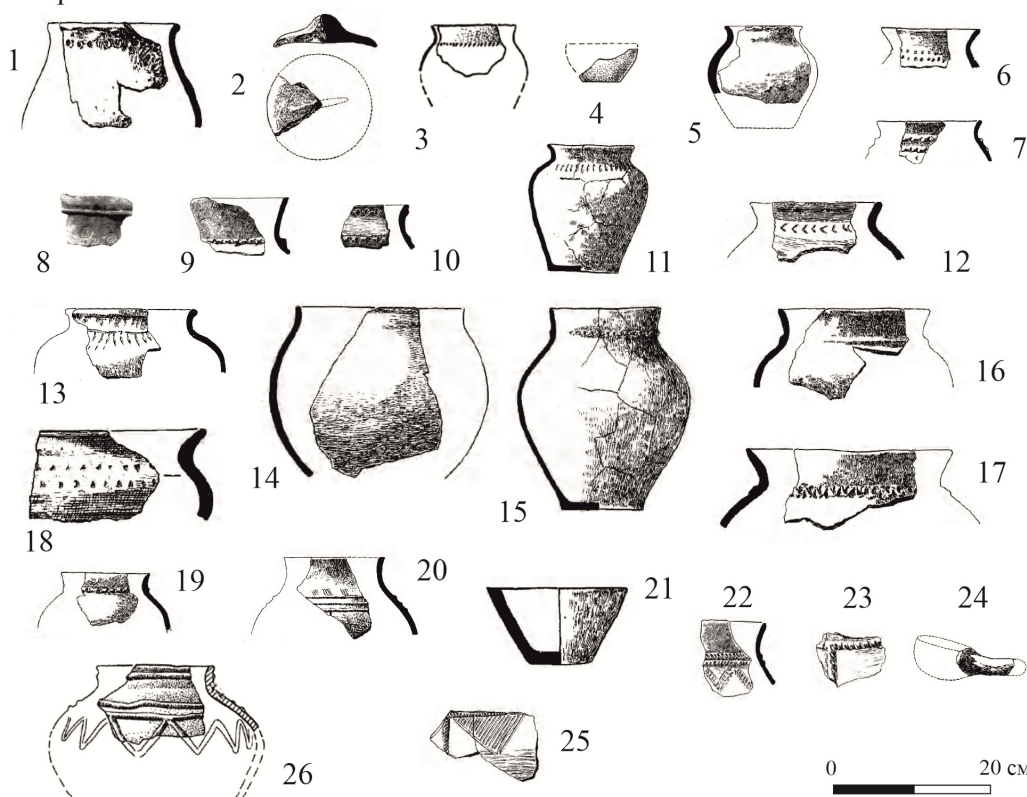

Рис. 19. Керамика поселения Каменка ранний и поздний этапы. Жилища 1, 2 и 6 - 1-12; жилища 3-5 и 7-12 - 13-26. 1-25 (по Рыбалова, 1974), 26 (по Братченко, 2006). 1-26 - глина.

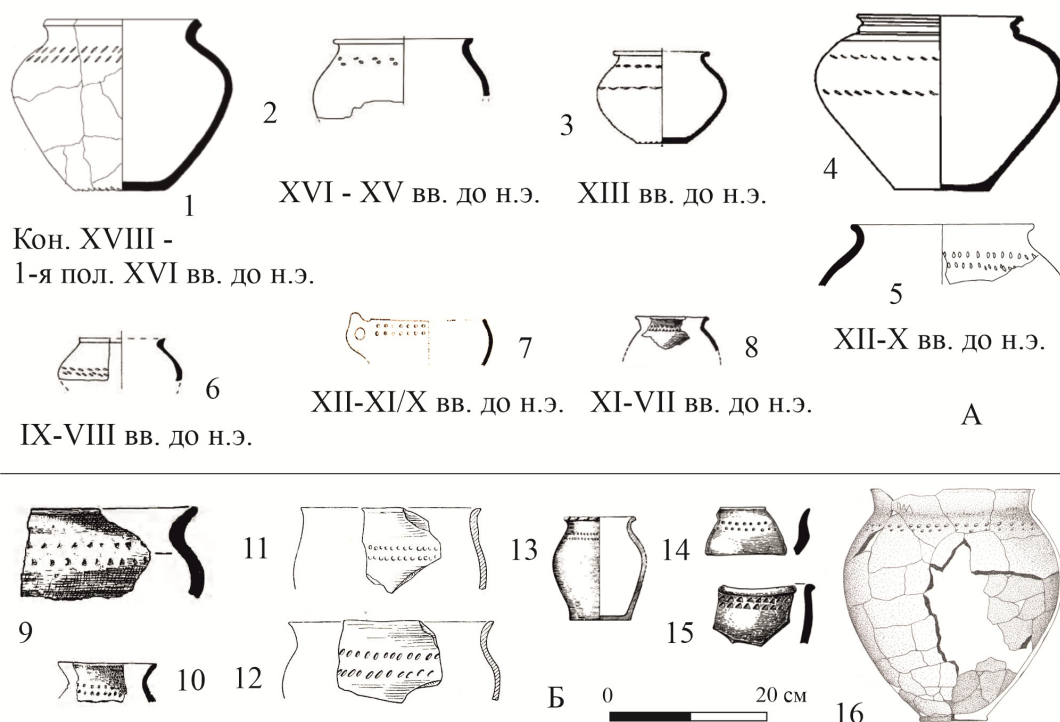

Рис. 20. Керамика с двойным рядом кольчатого штампа. А - керамика Южного Кавказа: 1 - Цахкалани п. 39; 2 - Картахбур п. 10; 3 - Мастара п. 7; 4 - Талин п. 5; 5 - Хором; 6 - Картахбур п. 14; 7 - Ноахвamu; 8 - Тамышское. Б - керамика Северного Кавказа и Северного Причерноморья: 9-10 - Каменка; 11-12 - Нижнегниловское; 13 - Нестеровский п. 37; 14 - пос. у Железноводска; 15 - Хабазское; 16 - Дивноморское ж.1, я. 36. 1, 3-4 (по Badalyan, Avetisyan, 2007); 2, 6 (по Engibaryan и. а., 2013); 5 (по Badaljan et al., 1992); 7 (по Куфтин, 1950); 8 (по Габелия, 2014); 9-10 (по Рыбалова, 1974); 11-12 (по Шарафутдинова, 1980); 13 - (по Козенкова, 1982); 14-15 (по Козенкова, 1989). 14-15 - без масштаба. 1-16 - глина.

Рис. 21. Керамика, имеющая аналогии с материалами Северного Кавказа. 1-2 - Бамбур (по Matthews et al., 2022); 3 - Тли п. 43 (по Техов, 1977); 4 - Артик (по Badalyan, Avetisyan, 2007); 5-6 - Симферопольское (по Крис, 1981). 1-2 - без масштаба. 1-6 - глина.